

ровѣ, выброшенный волнами океана. Прекрасный юноша этотъ чрезвычайно понравился Девлетъ и она ему.

Оставалось только, какъ можно поскорѣе отпраздновать эти двѣ свадьбы и сообщить престарѣлымъ отцамъ жениховъ, что сыновья ихъ возвратятся въ непродолжительномъ времени съ женами вполне счастливыми.

Получивъ эту отрадную вѣсть, Асынъ-Бене и Нюманъ пришли въ такой неизъяснимый восторгъ, что опредѣлили осчастливить всѣхъ горемычныхъ въ царствѣ и праздновать радость ровно 40 дней и 40 ночей, послѣ чего отказаться отъ правъ своихъ въ пользу Сейфиля и Саита. Задуманное они буквально исполнили.

Сейфилъ въ свою очередь сдѣлался величайшимъ падишахомъ, а Саитъ мудрѣйшимъ великимъ визиремъ. Да наслаждаются подобно имъ жизнію и прочіе цари съ своими добрыми визирями!

Лишь только прочитаны были послѣднія слова рукописи, султанъ Магмутъ поднялся съ трона и, поцѣловавъ въ оба глаза Хаваджи Асана, отдалъ приказаніе, чтобы прелестная повѣсть эта немедленно напечатана была золотыми буквами и разслана къ сановникамъ государства.

Подлинную же рукопись оставилъ у себя и каждый вечеръ прочитывалъ изъ нея по одной главѣ.

Съ этого времени ни одинъ разсказчикъ не осмѣливался выманивать отъ султана незаслуженнаго вознагражденія, потому что не въ состояніи былъ разсказать ничего лучшаго. Но за то всѣ царскія милости сосредоточились на усердномъ министрѣ Хаваджи Асанѣ.

Страмбунакъ счастливый.

Въ странѣ теплой и изобилующей всѣмъ необходимымъ для человѣка царствовалъ мудрый царь, у котораго не было дѣтей. Сначала это казалось ему естественнымъ, но впоследствии онъ все болѣе и болѣе впадалъ въ задумчивость. Царица понимала настоящую причину скорби повелителя своего и употребляла всѣ усилія развлекать его. Тоже дѣлалъ и главный министръ, постоянно находящійся при государѣ. Такъ прошло еще нѣсколько скучныхъ лѣтъ.

Въ одинъ вечеръ преданный министръ, истощившій уже всю находчивость свою, обратился къ государю съ слѣдующимъ предложеніемъ.

— Не пожелаетъ ли мой монархъ проѣздить со мною въ платѣ бѣдняка по своему государству. Кто знаетъ—авось и намъ удастся напасть на какого-нибудь чудотворца, который обрадуетъ твое величество. Если же этого мы не встрѣтимъ, то все-таки найдемъ такіа развлеченія, которыя невозможны для царей, не выѣзжающихъ изъ своей столицы.

— Пожалуй, я не прочь послѣдовать твоему совѣту—отвѣчалъ царь съ грустью—составь маршрутъ и поѣдемъ.

Три дня спустя изъ великолѣпной столицы восточныхъ окраинъ Чернаго моря выѣхали два пожилыхъ человѣка въ купеческихъ нарядахъ на великолѣпныхъ коняхъ и направились къ южнымъ странамъ. Долго они ѣхали по равнинамъ, лѣсамъ и горамъ, много видѣли чудеснаго, но никого, кто бы могъ похвастаться знаніемъ средства имѣть дѣтей. Въ концѣ концовъ, они остановились на ночлегъ въ большомъ гротѣ и порѣшили возвратиться назадъ съ наступленіемъ утра.

— Нѣтъ, видно Богу не угодно, чтобы у меня осталось поколѣніе—сказалъ царь. По неволѣ приходится подчиниться Его святой волѣ и покорно ожидать безотрадной смерти.

Министръ поднялъ глаза къ небу и началъ нашептывать молитву. Какъ вдругъ въ пещеру вошелъ сѣдой человѣкъ и послѣ обыкновенныхъ привѣтствій обратился къ царю съ слѣдующимъ вопросомъ:

— Что заставило тебя, могущественный государь, покинуть свои чертоги и ночевать на каменномъ полу этого грота, служившаго до настоящаго времени обителью хищныхъ звѣрей?

Вопросъ этотъ изумилъ царя.

— Если ты узналъ во мнѣ государя—отвѣчалъ онъ—то надо полагать, что тебѣ извѣстны и причины, заставившія меня странствовать въ чужомъ нарядѣ.

— Ты угадалъ, я дѣйствительно всевѣдущій человѣкъ и сочувствую твоей скорби.

— Всѣ мнѣ выражаютъ свое соболѣзнованіе—отвѣчалъ царь, не подымая глазъ,—но, увы, никто до настоящаго дня не оживилъ меня добрымъ совѣтомъ. Впрочемъ воли Божьей люди не властны измѣнить.

— Ты ошибаешься государь. Богъ благосклоненъ къ твоимъ молитвамъ, но есть другія причины, которыя мѣшаютъ тебѣ и женѣ твоей имѣть дѣтей. Я не стану тебѣ объяснять ихъ, но скажу, что если вы оба скушаете по половинѣ яблока, которое я принесъ съ собою, то у тебя родится три сына.

При этихъ словахъ царь вскочилъ съ мѣста и хотѣлъ броситься на шею къ таинственному старику.

— Пожалуйста, успокойся, повелитель, прервалъ его гость, быть можетъ ты еще не получишь моего средства, потому что я не дамъ его безъ вознагражденія.

— О, требуй половину моего царства—и я не откажу!

— Я въ этомъ не имѣю надобности.

— Въ такомъ случаѣ возьми все мое золото.

— Я богаче тебя—отвѣчалъ старикъ. А вотъ въ чемъ состоитъ мое условіе: твой третій сынъ на 12-мъ году жизни долженъ переѣхать ко мнѣ и сдѣлаться моимъ сыномъ и наслѣдникомъ. Если ты изъявишь на это согласіе, то я вручу тебѣ яблоко и въ урочный день явлюсь за мальчикомъ.

— Согласенъ! вскрикнулъ царь и протянулъ къ старику руку, какъ бы въ знакъ клятвы или обязанности сдержать данное слово.

Таинственный странникъ въ ту же минуту подалъ ему маленькое яблоко, пожелалъ всѣхъ благъ и тихо скрылся изъ вида.

Съ разсвѣтомъ царь съ министромъ направились обратно домой и на этотъ разъ безпрестанно перемѣняли по дорогѣ лошадей, чтобы скорѣе приѣхать и испытать чудотворную силу ничтожнаго на видъ плода.

Черезъ 9 мѣсяцевъ у царя дѣйствительно, родился сынъ. Два года спустя, онъ былъ отцомъ втораго мальчика, а столько же времени спустя явился на свѣтъ Божій и третій; но этотъ послѣдній оказался красивѣе старшихъ братьевъ.

Мальчики росли не по днямъ, а по часамъ и всѣ отлично учились тѣмъ наукамъ и искусствамъ, которыя необходимы были для царскихъ дѣтей; но меньшій Страмбунакъ оказывалъ гораздо больше вниманія и прилежанія къ обязанностямъ своимъ, вельдствіе чего заслужилъ особенную любовь родителей.

По мѣрѣ того, какъ мальчикъ этотъ выросталъ, у царя вновь начало сжиматься сердце отъ скорби, что приближается день разлуки съ Страмбунакомъ.

— Охъ, чего бы я не далъ — сказалъ онъ однажды министру своему — чтобы отклонить желаніе у таинственнаго старика отобрать отъ меня этого прелестнаго мальчика.

— Знаешь ли, царь, я совѣтовалъ бы тебѣ построить башню съ подземнымъ ходомъ изъ дворца и посадить въ нее Страмбунака, а всѣмъ объявить, что онъ утонулъ или скоропостижно умеръ. Когда же явится за нимъ старикъ, то изъяснить сожалѣніе и выпроводить его изъ дворца съ пустыми руками. Видано ли, чтобы родители отдавали чужимъ людямъ своихъ дѣтей!

Царь задумался надъ этимъ предложеніемъ. Сначала оно показалось ему неприличнымъ, но потомъ онъ нашелъ его естественнымъ.

— Ты правъ — отвѣчалъ онъ — я, какъ отецъ, долженъ сдѣлать все, чтобы сынъ мой остался при мнѣ. Распорядись же построить башню по своему усмотрѣнію и самъ охрани мое дорогое дитя.

Министръ безотлагательно приступилъ къ постройкѣ башни и, когда она была готова, поселилъ въ ней Страмбунака. При дворѣ и въ столицѣ объявлено было, что третій царскій сынъ пропалъ безъ извѣсти и общалась большая награда тому, кто откроетъ похитителя.

Тѣмъ временемъ наступилъ урочный день. Таинственный старикъ предсталъ предъ царемъ ровно въ тотъ часъ, когда исполнилось Страмбунаку 12-тъ лѣтъ.

— Увы, ты напрасно потрудился явиться — сказалъ государь, выходя на встрѣчу къ почтенному гостю — мой бѣдный сыночекъ по общему убѣжденію утонулъ въ морѣ.

— Да, мнѣ ужъ говорили объ этомъ въ твоей столицѣ—отвѣчалъ онъ съ лукавою улыбкою—но я отыщу его останки и буду довольствоваться, что ты оказался только вторымъ честнымъ царемъ изъ числа всѣхъ тѣхъ, которыхъ я утѣшилъ подѣ старость дѣтьми. Прощай же, да продлитъ твой вѣкъ Господь!

Только что старикъ вышелъ со двора, послышался ужасный шумъ отъ разрушенной постройки, вслѣдъ затѣмъ царю объявили, что вновь выстроенная имъ башня разрушилась до основанія. Вѣсть эта, какъ громомъ поразила отца.

— Бѣдный мой Страмбунакъ—вскрикнулъ онъ—я спасъ его отъ друга людей, чтобы отдать смерти! и съ рыданіями приказалъ очистить всю мѣстность, чтобы отыскать тѣло дорогаго сына.

Тысячи людей бросились къ развалинамъ, но не смотря на то, что каждый камень былъ перенесенъ въ отдаленное мѣсто, не оказалось никакихъ слѣдовъ отъ мальчика.

— Его навѣрно похитилъ таинственный старикъ—донесъ министръ— иначе мы нашли бы его останки или клочекъ отъ одежды.

— О, еслибъ я могъ убѣдиться, что сынъ мой живъ, что твое предположеніе основательно!

Пока царь горевалъ, а министръ его старался отыскать доказательства для утѣшенія,—таинственный мудрецъ, схвативъ изъ разрушенной имъ крѣпости Страмбунака, умчался съ нимъ на конѣ, не уступающемъ самому быстрому вѣтру. Пролетѣвъ нѣсколько сотъ верстъ, старикъ остановился на отдыхъ и ласково разсказалъ мальчику, что послужило поводомъ къ насилію. Въ заключеніе онъ объявилъ ему, что имѣетъ маленькую дочь, прелестную Даву, которая отнынѣ не будетъ тосковать въ одиночествѣ и будетъ его любить, какъ роднаго брата.

Страмбунакъ ободрился и векорѣ такъ привязался къ доброму старику, что радовался прогулкѣ съ нимъ по міру, котораго раньше не видѣлъ. Нѣсколько дней спустя путники прибыли къ громадному дворцу, находящемуся внутри такихъ роскошныхъ деревьевъ и цвѣтовъ, какихъ Страмбунакъ не встрѣчалъ раньше. При вѣздѣ ихъ на дворъ выбѣжала въ числѣ прочихъ и маленькая дѣвочка, хлопая отъ радости руками.

— Вотъ я привезъ тебѣ, Дава, обѣщаннаго брата—сказалъ старикъ, цѣлуя дѣвочку. Теперь я надѣюсь, ты не будешь тосковать по матери.

— Конечно, конечно—отвѣчала ребенокъ, подбѣгая къ Страмбунаку.

Дѣти взяли за руки и побѣжали въ садъ.

— Ты дочь этого добраго старика? спросилъ у нея мальчикъ, когда они очутились вдали отъ построекъ.

— Нѣтъ—отвѣчала Дава со вздохомъ. Я дочь царя, у котораго не было дѣтей и знаю только, что этотъ старикъ далъ родителямъ моимъ какое-то средство съ условіемъ, что третье рож-

денное дитя будетъ принадлежать ему. Родители мои вынуждены были исполнить свое обѣщаніе и я перешла въ его собственность; но это мнѣ крайне не утѣшительно. Охъ, чего бы я не дала, чтобы обратиться въ птичку и улѣтѣть къ бѣдной моей матери, которая я думаю день и ночь плачетъ обо мнѣ.

А ты чей сынъ и какимъ образомъ попалъ сюда?

Страмбунакъ рассказалъ.

— Значитъ, мы оба одинаковаго происхожденія и обои подвергнулись одной участи. Ну, теперь я меньше буду плакать и стану утѣшаться, что вдвоемъ намъ легче будетъ убѣжать домой.

— Ну, этого едвали мы достигнемъ—сказалъ царевичъ. Наша родина такъ далека, что придется два года бѣжать безъ отдыха, чтобы добраться до нея. На это не хватитъ ни у тебя, ни у меня силъ.

— Это такъ кажется; но я увѣрена, что непременно убѣгу и возвращусь къ матери.

Только что сказаны были эти слова, какъ дѣтей потребовали къ обѣду въ маленькій домикъ, находящійся подъ присмотромъ хромоу старушки.

Дѣти пообѣдали и занялись играми. Затѣмъ Страмбунаку отведена была маленькая комната и указаны занятія, которыми онъ долженъ развлекаться. Съ этихъ поръ старикъ ровно въ полдень приходилъ къ дѣтямъ, вынималъ изъ кармана крошечный столикъ и приказывалъ ему раздвигаться. Столикъ превращался въ большой столъ съ готовымъ обѣдомъ и сладкими плодами. Начиналась ѣда и веселые разговоры, въ которыхъ Дава, не принимая особеннаго участія, подмѣчала особенную любовь старика къ Страмбунаку.

— Нашъ новый отецъ очень любитъ тебя—сказала она однажды товарищу своему—а этимъ не слѣдуетъ брезгать, если только у тебя есть желаніе возвратиться къ родителямъ. Знаешь, что я думаю: намъ не мѣшало бы выпросить у старика этотъ волшебный столикъ, который подаетъ намъ такіе вкусныя обѣды. Съ нимъ мы смѣло можемъ бѣжать.

— Дѣйствительно, съ этимъ столикомъ мы не могли бы остаться голодными.

— Попроси, чтобы онъ подарилъ его тебѣ подъ предлогомъ, что мы часто голодаемъ.

Страмбунакъ въ тотъ же день приласкался къ старику и выманулъ у него драгоценную вещь, съ которою не разставался при прогулкахъ.

Нѣсколько времени спустя Дава научила мальчика выпросить у мудреца позволеніе посѣщать его дворецъ. Старикъ долго уклонялся, но потомъ, взявъ дѣтей за руки, повелъ ихъ въ величественное зданіе, съ балконовъ котораго виднѣлись отдаленныя царства и большіе города.

Вошедъ въ первую комнату, дѣти, увидѣвъ два фонтана, воздвигнутые изъ ослѣпительно горящихъ каменевъ, запрыгали отъ

радости и притронулись случайно къ кранамъ. Изъ одного полилась серебряная, а изъ другаго золотая вода. Страмбунаку такъ понравился цвѣтъ и блескъ послѣдней, что онъ пригнулъ подъ струю ея голову и моментально озолотилъ свои волосы.

— Довольно, довольно—вскрикнулъ старикъ, заворачивая кранъ иначе ты весь превратишься въ золото.

Въ слѣдующей затѣмъ комнатѣ они увидѣли большаго льва и около него овцу.

— А эти подобія животныхъ зачѣмъ здѣсь находятся? спросилъ царевичъ.

— Это очень важныя фигуры—отвѣчалъ старикъ. Теперь ты не поймешь ихъ цѣны, но впоследствии когдаознакомишься съ челоуѣчествомъ, они не разъ окажутъ тебѣ важныя услуги.

— Какимъ же это образомъ сдѣлаютъ простыя шкуры, снятыя съ убитыхъ животныхъ?

— Тайна заключается въ томъ, чтобы сжечь нѣсколько волосяныхъ шерсти отъ этихъ шкуръ.

— Что жъ изъ этого выйдетъ? спросила Дава.

— Во первыхъ явятся къ твоимъ услугамъ всѣ львы, а въ послѣднемъ случаѣ столько барановъ, сколько потребуется для насыщенья большихъ армій. Сказавъ это, старикъ двинулся впередъ, но въ эту минуту Страмбунакъ успѣлъ нарвать цѣлую горсть волосъ съ спинъ обоихъ чучелъ и скрылъ ихъ въ карманъ.

Въ третьей комнатѣ стояла необыкновенной красоты лошадь, которая по объясненію старика превращается въ живую, если хоть одинъ волосокъ шерсти ея коснется огня. Въ четвертой дѣти увидѣли небольшую саблю, имѣющую свойство растягиваться на 40 саженей длины. Въ пятой старикъ показалъ дѣтямъ камень, который, если его бросить назадъ, все превращаетъ въ ледъ; въ шестой оказался маленькій гребень, отъ прикосновенія котораго къ землѣ, все пространство зарастаетъ дремучимъ лѣсомъ. Въ седьмой же лежало на золотомъ столѣ кругленькое зеркальце съ свойствомъ моментально покрывать землю массою воды и тутъ же кусокъ металла, отъ прикосновенія котораго дѣти дѣлаются взрослыми и чрезвычайно сильными.

— Такихъ вещей ни у одного изъ земныхъ царей не имѣется—сказалъ старикъ—всѣ онѣ будутъ принадлежать вамъ послѣ смерти моей.

А съ такою силою и правами измѣнять природу вамъ не трудно завоевать весь мѣръ и сдѣлаться единими повелителями всѣхъ людей.

Все остальное показанное старикомъ не представляло ничего чудотворнаго.

— Теперь пойдемъ обѣдать—сказалъ старикъ—потому что я думаю съѣздить въ гости, чтобы возвратиться къ ночи.

При выходѣ изъ дворца Дава успѣла подмѣтить, откуда досталъ мудрецъ ключъ отъ дверей и куда положилъ его.

Послѣ ранняго обѣда мудрецъ уѣхалъ.

— Ну, Страмбунакъ—сказала Дава, какъ только убѣдилась, что мудрецъ исчезъ изъ вида,—намъ представился отличный случай бѣжать. Поспѣшимъ же во дворецъ, захватимъ всѣ чудесныя вещицы и маршъ въ дорогу!

— А что если настигнетъ насъ старикъ?

— Нѣтъ, другъ мой, у насъ будутъ кремень, гребень, зеркальце и львиная шерсть, а съ такими покровителями мы не побоимся никого.

Страмбунакъ, положивъ въ карманъ свой волшебный столикъ, послѣдовалъ за Давою.

Дѣти бѣгомъ пустились въ дворецъ и прежде всего прикоснулись къ чудному металлу, который моментально пересоздалъ ихъ въ рослыхъ людей съ богатырскими силами.

— Ты возьми, Страмбунакъ, саблю и шерсть отъ лошади и льва—сказала Дава—а я захвачу кремень, гребенку и зеркальце.

Все это было сдѣлано въ одну минуту и дѣти, оказавшіяся взрослыми, скрылись за дворцовыми оградами. Здѣсь Страмбунакъ выкресалъ огня и приложилъ одну волосинку изъ лошадиной шерсти. Не успѣла она скорчиться, какъ передъ нимъ очутился осѣдланый конь.

Молодые люди вспрыгнули на него и быстрѣе вѣтра понеслись по тому направленію, которымъ привезены были старикомъ.

Три часа спустя бѣглецы, въ предположеніи, что избѣгли опасности, пожелали отдохнуть и полюбоваться прекрасными равнинами, на которыхъ остановились. Слово за словомъ они до того увлеклись, что въ виду наступленія ночи рѣшились ночевать. Но каково было изумленіе ихъ, когда на другой день, садясь на лошадь, они замѣтили на горизонтѣ бѣлый, развивающійся по воздуху плащъ мудреца.

— Мы погибли! вскрикнулъ Страмбунакъ, пуская скакуна впередъ.

— Ну, до этого еще далеко—отвѣчала Дава, бросивъ назадъ кремень. Въ ту же минуту все пространство, отдѣляющее бѣглецовъ отъ преслѣдователя покрылось ледяною корою. Рослый конь мудреца началъ скользить, шататься, падать и вновь рваться впередъ. Послѣ долгихъ усилій ему удалось перенестись на поляну и удвоить бѣгъ.

Дава, не перестававшая слѣдить за бѣлымъ плащемъ, выбросила по направленію къ нему гребешокъ. Въ мигъ поляна покрылась густымъ непроливаемымъ лѣсомъ, но нѣсколько часовъ спустя лѣсъ исчезъ, а старикъ снова показался на горизонтѣ.

— Испробуемъ теперь наше зеркальце—сказала Дава, далеко бросая его назадъ.

Лишь только волшебное стекло коснулось земли, все видимое пространство скрылось подъ водою.

Бѣлый плащъ остановился и рухнулъ на землю.

— Теперь онъ не будетъ больше преслѣдовать насъ—сказала царевна.

Страмбунакъ оглянулся и, убѣдившись въ сказанномъ, умѣрилъ бѣгъ скакуна.

И дѣйствительно, до поздней ночи они не замѣчали болѣе погони за собою, а на третій день благополучно прибыли въ столицу родителей Давы.

— Ты погостишь навѣрно у меня? спросила дѣвушка.

— Нѣтъ, я хочу поскорѣе повидаться съ родителями, а потомъ когда-нибудь приѣду.

Сказавъ это, Страмбунакъ спустилъ подругу свою у воротъ дворца и поспекалъ дальше.

Возмущенная хладнокровіемъ молодаго человѣка, Дава, мечтавшая не разставаться съ нимъ, ожесточилась и изъ устъ ея посыпались пожеланія, чтобы онъ никогда не увидѣлъ ни матери, ни отца. Пожеланія эти произнесены были въ несчастный часъ и должны были исполниться.

Страмбунакъ, очутившись въ стени, началъ припоминать направленіе въ свою сторону, которую онъ не зналъ даже по имени; но чѣмъ больше думалъ, тѣмъ больше сомнѣвался. Миновавъ много городовъ, совершенно неизвѣстныхъ ему, онъ окончательно убѣдился, что сбился съ направленія и никогда не достигнетъ цѣли, пока случайно не услышитъ отъ кого-нибудь объ отцѣ и матери своей. Въ этихъ печальныхъ мысляхъ онъ рѣшился остановиться въ первомъ большомъ городѣ и жить въ немъ до счастливой случайности. Такъ онъ и сдѣлалъ. Но не желая обращать всеобщаго вниманія на свой костюмъ и золотистой цвѣтъ волосъ, онъ предложилъ первому попавшемуся пастуху промѣняться съ нимъ одеждою и выпросилъ у него въ придачу требуху, которую и надѣлъ на голову вмѣсто шапки.

Въ этомъ нарядѣ Страмбунакъ вошелъ въ городъ и сталъ на площади поденщиковъ и рабочихъ съ намѣреніемъ наняться къ кому-нибудь, чтобы имѣть пріютъ отъ непогодъ. Долго пришлось бы ожидать молодому человѣку охотниковъ держать прислугу съ требухою на головѣ, еслибъ онъ самъ не предложилъ себя служить безъ платы и корма. Такими выгодными условіями воспользовался поставщикъ овощей къ царскому столу и на томъ еще основаніи, что онъ своимъ видомъ могъ пугать птицъ.

Царевичъ поселенъ былъ въ патрѣ на огородѣ, расположенномъ противъ окна самой меньшей дочери царя, чего онъ, конечно, не зналъ и не могъ догадываться. Нѣсколько дней спустя огородникъ сказалъ ему:

— Сегодня я получилъ приглашеніе на свадьбу къ племянницѣ и пробуду въ гостяхъ до завтрашняго вечера. Надѣюсь, сынъ мой, что ты во все это время будешь внимателенъ къ обязанности своей и сбережешь огородъ.

— Я постараюсь не спать всю ночь.

Оставшись полнымъ хозяиномъ въ огородѣ, Страмбунакъ, которому ужасно надоѣла требуха на головѣ, пожелалъ омыться и погарцовать на конѣ. Оглянувшись кругомъ, молодой человѣкъ

согрѣлъ воды, очистился, пообѣдалъ по-царски, а въ заключеніе бросилъ въ огонь волосинку изъ лошадиной кожи. Конь предсталъ. Царевичъ похлопалъ его по гривѣ и, вскочивъ на спину, пустился въ скачъ по огороду, который въ нѣсколько минутъ истопталъ до безобразія.

„Что я надѣлалъ! вдругъ вырвалось у него съ языка. Воображаю горе и отчаяніе моего хозяина, когда онъ увидитъ свой огородъ въ такомъ положеніи?

Подъ вліяніемъ упрека совѣсти Страмбунакъ отпустилъ скакуна своего и, возвратившись въ балаганъ, снова облачился въ свой пастушій нарядъ.

„Ничего болѣе не остается, какъ представиться. больнымъ — подумалъ онъ. Авось повѣритъ огородникъ и ничего не скажетъ.

Между тѣмъ младшая дочь царя, все это время сидѣвшая у окна и видѣвшая молодаго человѣка съ позолоченными волосами, пришла въ такой восторгъ отъ красоты Страмбунака, что порѣшила не отходить отъ окна и разузнать, откуда явился на огородѣ такой небывалый въ ихъ столицѣ человѣкъ.

На слѣдующій день возвратился огородникъ. Изумленный старикъ схватилъ съ досады хворостину и бросился на работника, но увидѣвъ его лежащимъ и стонавшимъ, началъ рвать на головѣ волосы.

— О чемъ ты тоскуешь, добрый хозяинъ? спросилъ Страмбунакъ.

— Кому же тосковать, какъ не мнѣ? вскрикнулъ онъ, дрожа отъ негодованія — ты бы всталъ да посмотрѣлъ, что стало съ моимъ огородомъ, надъ которымъ я такъ долго трудился. О, Боже, что я завтра скажу царскому повару! Бѣдный мой огородъ, онъ весь истоптанъ скотиною.

— И всему этому причиною моя внезапная болѣзнь—отвѣчалъ царевичъ со вздохомъ. Не сердись хозяинъ, я не останусь у тебя въ долгу.

— Ужъ не требую ли ты мечтаешь расплатиться со мною? сказалъ безутѣшный огородникъ и вышелъ, чтобы вновь приняться за работу.

Послѣ долгихъ усилій онъ сдѣлалъ кое-что и къ удовольствію нашелъ три дыни, которыя обязанъ былъ ежедневно представлять тремъ царскимъ дочерямъ.

На другой день дыни поданы были царевнамъ. Но на этотъ разъ дѣвушки озлобленныя противъ родителей за то, что до настоящаго времени не озаботились выдать ихъ замужъ и, получивъ дыни отъ имени отца, надѣлали на нихъ разные знаки и приказали возвратитъ родителямъ.

Прислуга, исполнявшая это приказаніе, не стѣснилась объяснить государю причину неудовольствія дочерей.

— И въ самомъ дѣлѣ я ничего не сдѣлалъ для нихъ—сказалъ царь, обращаясь къ женѣ—и онѣ вправѣ роптать.

— Въ такомъ случаѣ распорядись созвать всѣхъ жениховъ — отвѣчала царица—пусть сами выберутъ себѣ мужей.

Государь приказалъ позвать къ себѣ дѣвушекъ и объявилъ, чтобы онѣ приготовились къ выбору жениховъ.

Мѣсяцъ спустя въ столицу собрались всѣ принцы изъ сосѣднихъ царствъ и много богатыхъ молодыхъ людей, надѣявшихся на свою представительную наружность.

Страмбунакъ узналъ объ этомъ отъ хозяина своего, добавившаго, что въ числѣ царскихъ дочерей меньшая замѣчательная красавица и обладаетъ чрезвычайными достоинствами.

— Вотъ счастье для того, кто женится на этой дѣвушкѣ—прибавилъ онъ. Такихъ женъ и съ свѣчами днемъ не найдешь.

Похвала эта заинтересовала Страмбунака.

„Не мѣшаетъ посмотрѣть на такую дѣвушку—подумалъ онъ и въ точности узналъ время, когда будетъ происходить выборъ.

По установленнымъ правиламъ всѣ молодые люди должны были проѣзжать мимо трехъ нарочно воздвигнутыхъ павильоновъ для царевенъ. Тотъ счастливецъ, который будетъ избранъ получить изъ рукъ невѣсты яблоко.

— Такимъ образомъ женихи избраны будутъ въ одинъ и тотъ же день? спросилъ Страмбунакъ.

— Нѣтъ, первый выборъ предоставленъ старшей по лѣтамъ царевнѣ, второй день средней и затѣмъ уже младшей.

По расчетамъ огородника послѣдній день наступалъ во вторникъ на предстоящей недѣлѣ.

— А позволишь ли ты мнѣ, добрый хозяинъ взглянуть на это зрѣлище?

— Я пожалуй и позволю, но вполнѣ увѣренъ, что такихъ, какъ ты, не допустятъ даже издали стоять. Развѣ тебѣ удастся заблаговременно вскарабкаться на какое-нибудь высокое густолиственное дерево.

— Я тоже объ этомъ подумалъ—отвѣчалъ работникъ.

— Иди, сынъ мой, а потомъ расскажешь, что видѣлъ. Я очень интересуюсь судьбою доброй Бенагеи; за старшихъ же сестеръ ея ты и не говори мнѣ, потому что я не разъ былъ оскорбляемъ ими.

— Я и не пойду на ихъ выборы!

— И прекрасно сдѣлаешь. Пусть онѣ достанутся львамъ на завтракъ, а не добрымъ людямъ въ жены.

Во вторникъ утромъ Страмбунакъ ушелъ съ огорода. Вышедъ въ степь, онъ снялъ свою требуху и, потребовавъ отъ волшебнаго столика доставить ему самый роскошный царскій нарядъ, поджегъ конскій волосъ. Великолѣпная лошадь не замедлила явиться передъ нимъ.

Страмбунакъ поцѣловалъ послушное животное въ оба глаза, погладилъ гриву и вскочивъ на него, мгновенно очутился въ средѣ искателей руки Бенагеи. Внезапное появленіе неизвѣстнаго молодаго человѣка изумило всѣхъ, но никто не осмѣлился приблизиться къ нему съ допросами. По мѣрѣ того, какъ женихи подвигались впередъ, нашъ царевичъ все отставалъ и занялъ крайнее мѣсто.

Ненарушимая тишина свидѣтельствовала, что царевна не оставила ни одного изъ проѣзжающихъ мимо нея.

Наконецъ настала очередь Страмбунака. Подѣхавъ къ павильону, онъ остановилъ коня, и немного обнаживъ свои золотистые волосы, вѣжливо поклонился юной красавицѣ.

Бенагея захопала отъ удовольствія руками и сейчасъ бросила къ нему золотое яблоко.

Страмбунакъ подхватилъ его, поцѣловалъ, но, пришпоривъ скакуна, скрылся съ виду.

Поступокъ этотъ оскорбилъ царя. Но, увы, посланные въ погоню за дерзкимъ чужестранцемъ не могли замѣтить, куда онъ скрылся.

— Это какой-то волшебникъ — заключилъ народъ и потребовалъ отъ царя назначить новый выборъ.

Черезъ два дня, Бенагея опять сидѣла въ павильонѣ и съ грустью слѣдила за мелькавшими передъ нею мужескими лицами въ блистательныхъ нарядахъ. Какъ вдругъ замѣтила молодого челоуѣка въ пастушьемъ платьѣ съ трепухою на головѣ, изъ подъ которой видѣлось нѣсколько золотистыхъ волосъ:

— Это онъ, это онъ, вырвалось у ней съ языка.

Не успѣлъ Страмбунакъ приблизиться къ павильону, какъ золотое яблоко полетѣло къ нему.

Пастуха остановили и привели во дворецъ. Царь и царица ужаснулись и начали упрашивать дочь отказаться отъ такого чудовища.

— Нѣтъ—отвѣчала она—я скорѣе откажусь отъ васъ, чѣмъ отъ него. Прикажите повѣнчать меня и выгоньте изъ дворца, если онъ не нравится вамъ.

Царь ожесточился и приказалъ удалить дочь въ курятникъ.

— Мы и съ курами проживемъ нѣкоторое время по царски—отвѣчалъ Страмбунакъ, восхищаясь своею невѣстою.

— Но отчего ты скрылъ свой первый видъ? допрашивала Бенагея.

— Для того, моя милая, чтобы испытать, насколько любятъ тебя родители.

— И мы останемся навсегда въ курятникѣ?

— Ошибаешься, дружокъ; я ихъ заставлю отдать намъ лучшую половину дворца, а если ты пожелаешь, то мы переселимъ ихъ на наше теперешнее мѣсто.

— О нѣтъ, нѣтъ я не захочу видѣть родителей моихъ наказанными: пусть Богъ не поставитъ имъ въ грѣхъ наше униженіе передъ людьми.

— Очень радъ, что слышу такія умныя слова отъ той, которая будетъ вѣчною подругою моею —отвѣчалъ Страмбунакъ, прижимая къ груди жену. Видишь ли, еслибъ я явился и во второй разъ въ моемъ блескѣ, мнѣ не удалось бы убѣдиться въ твоей добротѣ, которая составляетъ лучшую красоту царицы.

Тѣмъ временемъ многіе изъ царей, озлобленные выборомъ Бе-

наген пастуха, сговорились объявить отцу ея войну, съ намѣреніемъ уничтожить насмѣшницу вмѣстѣ съ родителями, не властными предупредить такого поношенія сану своему.

По первому ихъ приказу двинулись безчисленныя арміи къ славнымъ Оифаріямъ. Испуганный царь поспѣшилъ выйти къ нимъ на встрѣчу, но на первый же разъ былъ разбитъ и началъ предаваться ужасному отчаянію.

Когда дошли вопли его до слуха Страмбунака, онъ обратился къ женѣ и сказалъ:

— Какъ ты думаешь, не пора ли мнѣ показать отцу твоему мое преимущество предъ ними и зятьями, которыхъ онъ приблизилъ къ себѣ?

— Нѣтъ еще. По моему, если ты, дѣйствительно, можешь сокрушить всѣхъ нашихъ враговъ, то подожди, пока враги начнутъ приближаться къ столицѣ, а наши бѣжать.

Царевичъ согласился съ предложеніемъ жены. Но этого роковаго дня не пришлось долго ожидать. Всеобщій плачъ возвѣстилъ Страмбунаку, что критическая минута наступила. Молодой человекъ простился съ женою и вышелъ въ поле, поджогъ львиный и лошадиный волосы. Предъ нимъ явились скакунъ и безчетная стая страшно рыкавшихъ львовъ. Вскочивъ на коня, Страмбунакъ сдѣлалъ знакъ царямъ звѣрей слѣдовать за нимъ и поскакалъ впередъ.

Нѣсколько минутъ спустя, онъ промчался мимо разбитой арміи тестя и вѣзаясь съ саблею въ рукѣ въ непріятельскій станъ, гдѣ начался уже побѣдный шуръ. Львы, видя повелителя своего поражающихъ цѣлыя колонны войска однимъ взмахомъ растагивающей сабли, довершали уничтоженіе. Черезъ три часа, отъ враговъ не осталось ни единого въ живыхъ.

За чудомъ этимъ съ трепетомъ слѣдилъ царь Оифаринъ съ обоими зятьями своими и когда увидѣлъ, что спасена его земля, поѣхалъ выразить богатырю свою безпредѣльную благодарность.

Страмбунакъ принялъ его надменно и указалъ на окровавленную лѣвую руку, на которой лишился мезинца.

— Боже, какое несчастіе! вскрикнулъ государь и, снявъ съ шеи своей цвѣтной платокъ, самымъ заботливымъ образомъ перевязалъ рану.

Герой поблагодарилъ его и, отказавшись отъ приглашенія, исчезъ въ близъ лежащемъ лѣсу.

— Ну, что мой другъ — спросила Бенагея у мужа, когда онъ вошелъ въ курятникъ.

— Враги отца твоего всѣ истреблены — отвѣчалъ онъ — но я къ несчастію лишился пальца и ужасно утомился. Сказавъ это, онъ легъ и заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Въ это время въ курятникъ вошла одна изъ прислужницъ дворцовыхъ, чтобы сообщить царевнѣ о спасеніи отечества отъ враговъ и посмѣяться надъ судьбой Бенагеи, лишенной возможности даже услышать изъ устъ отца о подвигахъ молодого богатыря.

По окончаніи разказа, злая дѣвушка случайно замѣтила на рукѣ Страмбунака шейный платокъ царя и, предположивъ, что онъ укралъ его, съ радостью поспѣшила сообщить объ этомъ монарху. Но изумленный государь, вмѣсто приказанія отрубить вору голову, самъ пошелъ провѣрить заявленіе и къ неожиданному восторгу присоединился другой восторгъ узнать въ этомъ зятѣ спасителя его семьи и всего государства.

Страмбунакъ въ тотъ же день провозглашенъ былъ государемъ.

Но никто такъ не обрадовался этому событію, какъ огородникъ, когда онъ предсталъ предъ бывшимъ своимъ работникомъ, у котораго вмѣсто требухи сіяла брилліантами царская шапка. Царь приказалъ выдать ему за испорченный огородъ столько золота, сколько вывѣситъ онъ самъ.

Естественно, что впоследствии Страмбунаку не представилось затрудненія отыскать своихъ родителей и обрадовать ихъ своимъ счастливымъ избавленіемъ отъ таинственного старика.

Испытанія Сика.

Въ одномъ изъ маленькихъ городовъ Персіи жила бѣдная вдова, которой мужъ оставилъ на память о себѣ хорошенькаго и чрезвычайно проворнаго мальчика, названнаго Сикомъ. Вдова съ утра до глубокой ночи прядла пряжу и посылала съ сыномъ на продажу. Расторопному Сику всегда почти удавалось продать свой товаръ за такую сумму, которая требовалась на покупку хлѣба для него и матери. Однажды мальчикъ, продавши пряжу и направившись по обыкновенію къ пекарнѣ за хлѣбомъ, замѣтилъ толпу избалованныхъ дѣтей, мучившихъ щенка.

— За что вы тираните это бѣдное животное? сказалъ онъ съ теплымъ состраданіемъ.

— Это намъ доставляетъ удовольствіе—отвѣчали злые мальчики.

— Подарите мнѣ его—началъ онъ просить.

Вотъ выдумаль! закричали жестокія дѣти—мы положились убить его, чтобы устроить процессію похоронъ.

Сикъ все больше и больше просилъ жалиться надъ красивымъ щенкомъ, изъ глазъ котораго лились слезы.

— Нѣтъ, мы не уступимъ собачку даромъ—сказалъ въ заключеніе старшій мальчикъ. Если есть у тебя деньги, то пожалуй мы отдадимъ тебѣ ее, а безъ денегъ, я первый не соглашусь.

— А сколько ты потребуешь за нее?

— Столько, сколько у тебя найдется въ карманѣ, мы сами обыщемъ тебя.

Сикъ тяжело вздохнулъ, вспомнивъ, что если онъ отдастъ свои деньги, то онъ съ матерью останутся сегодня голодными. Но въ эту минуту, щенокъ такъ завылъ отъ полученнаго удара, что у бѣднаго мальчика заныло сердце и онъ, не думая о голодѣ, рѣшился отдать злымъ дѣтямъ весь материнскій заработокъ.

Пришедъ домой, онъ разсказалъ объ этомъ матери въ полномъ убѣжденіи, что она похвалитъ его, но оказалось, что его побили и вдобавокъ заперли въ чуланъ.

На слѣдующій день, онъ опять былъ посланъ съ пряжею на базаръ, которую продалъ вдвое дороже противъ прежнихъ дней.

— Ну, это еще счастье твое — отвѣтила мать — а я думала и сегодня оставить тебя безъ хлѣба.

Недѣлю спустя, Сикъ снова наскочилъ на этихъ же безжалостныхъ мальчиковъ, которые сговорились убить хорошенькаго котенка.

— Не хочешь ли купить и этого котенка? спросилъ одинъ изъ мальчиковъ, взявъ его за хвостъ и теребя на воздухѣ.

Кошечка взглянула на Сика такимъ умоляющимъ взглядомъ, что у бѣднаго мальчика показались слезы на глазахъ.

— Не мучьте ее — проговорилъ онъ — вѣдь и она чувствуетъ боль.

— А, что тебѣ за дѣло до ея страданій! крикнули ему въ отвѣтъ. Если же жалко, то купи и пусти на волю.

Чтобы вѣрнѣе достигнуть желанія продать котенка, всѣ они принялись бить его.

Сикъ не выдержалъ и изъявилъ согласіе отдать всѣ имѣвшіеся у него деньги.

— Ну, это дѣло другого рода — сказалъ большій изъ нихъ, взявши котенка за уши и передавая Сикю. Давай деньги!

Волею-неволею сынъ вдовы вывернулъ предъ шибениками карманъ и, склонивъ голову на грудь въ ожиданіи наказанія, направился домой.

— Мама — сказалъ онъ — я опять провинился предъ тобою.

— Ужъ не купилъ ли ты этого паршиваго котенка? вскрикнула она, поднимая кулаки.

— Да, я не могъ допустить, чтобы безжалостные мальчики убили это невинное животное.

— Ахъ ты злодѣй, ахъ ты негодяй! и она принялась рвать ему волосы, щипать и бить.

Въ эту минуту къ дверямъ ея, подошли два еврея.

— За что ты бьешь этого мальчика? спросили они.

Мать начала жаловаться и объявила, что намѣрена выгнать изъ дома глупаго сына.

— Къ чему это варварство — сказали они — продай его намъ. Мы заплатимъ тебѣ золотомъ и будемъ кормить его по купчески.

— Я согласна. Сколько же вы дадите за него?

— Сто червонцевъ — отвѣчали евреи.

Вдова протянула руки и, получивъ предложенную сумму, вытолкала сына своего со двора.

Сикъ заплакалъ, взявъ на руки спасенныхъ имъ маленькихъ животныхъ и молча послѣдовалъ за купцами. Купцы оказались очень добрыми людьми.

— Что же я буду дѣлать у васъ? спросилъ мальчикъ на другой день.

— Пока ничего — отвѣчали ему. Но скоро мы пересядемъ на судно, тогда ты узнаешь свою обязанность.

Два мѣсяца спустя, Сикъ приказано было переселиться на большой корабль.

— А могу ли я взять съ собою мою собачку и кошечку! спросилъ онъ.

— Бери хоть десятокъ, если это доставляетъ тебѣ развлеченіе. На судно переѣхали и евреи.

Сикъ снова началъ просить какого-нибудь занятія; но ему не отвѣчали.

Тѣмъ временемъ судно одѣлось въ паруса и направилось въ безпредѣльный океанъ. Какъ долго они плавали, сколько бурь перенесли—мальчикъ не слѣдилъ за этимъ. Въ концѣ концовъ судно ихъ остановилось подъ отвѣсною скалою, на которую не представлялось никакой возможности вскарабкаться.

— Ну, Сикъ теперь настаетъ время твоей службы—сказалъ одинъ изъ евреевъ, подходя къ мальчику; игравшему съ своими животными. Слушай же внимательно мое приказаніе. На вершинѣ этой скалы лежатъ массаи драгоцѣнные камешки, за которыми мы нарочно пріѣхали, но къ сожалѣнію на эту высоту никто до настоящаго времени не могъ вскарабкаться. Мы же придумали отличный способъ и съумѣемъ спровадить тебя на нее съ тѣмъ, что ты набросашь намъ оттуда полное судно алмазовъ.

— Какимъ же это образомъ я вознесусь на эту стѣну? спросилъ Сикъ, съ изумленіемъ посмотрѣвъ на высокій отвѣсъ.

— Видишь ли, дитя мое, на этой скалѣ обитаютъ такіе громадные орлы, которымъ не трудно поднятъ на воздухъ даже большаго человѣка, а такого, какъ ты мальчика, они захватятъ одною лапою и снесутъ за три-девять земель. Вотъ мы и порѣшили зашить тебя въ воловій желудокъ и слегка прикрѣпить къ вершинѣ корабельной мачты. Орлы эти сейчасъ же почувуютъ добычу и схватятъ ее. Ты же, какъ только очутишься на скалѣ, прорѣжешь его ножомъ и выскочишь изъ временной темницы своей и сейчасъ пристушишь къ дѣлу.

— А потомъ, какъ вы меня достанете оттуда?

— Потомъ мы въ другіе желудки вложимъ веревки, которые орлы снесутъ къ тебѣ и оставятъ, какъ не съѣдомыя. Ты ихъ прикрѣпишь къ вершинѣ и осторожно возвратишься на судно.

Сикъ не осмѣлился противорѣчить и мальчика сейчасъ же всадили въ воловій желудокъ, который и повѣсили на вершину мачты. Естественно, что всѣ люди скрылись съ палубы, чтобы не пугать орловъ. Нѣсколько времени спустя, сынъ вдовы почувствовалъ, что тѣло его попало въ тиски и ударилося о что-то твердое. Не теряя ни минуты онъ двинулъ ножомъ съ такою силою, что отсѣкъ и одинъ палецъ орлу, съ крикомъ порхнувшему на воздухъ.

Сикъ выльзъ изъ засады и осмотрѣлся кругомъ. И дѣйствительно, вся площадь скалы сияла блескомъ драгоценныхъ камней. Мальчикъ приблизился къ отвѣсу и, избравъ прямую линію къ судну, началъ цѣлыми горстями опускать алмазы, сапфиры, аметисты, яхонты и т. п. Большинство падало на судно и на рогожи, разостланныя на водѣ. Не довольствуясь и этимъ, онъ отыскалъ какую-то лопато-образную кость и началъ ею сбрасывать драгоценности. Такимъ образомъ мальчикъ потрудился двое сутокъ, благодаря тому, что въ желудкѣ вола оказалось питательная пища и сосудъ съ водою, вложенные хозяиномъ.

Наконецъ утомившись, дитя прилегло на землѣ и заснуло крѣпкимъ сномъ въ предположеніи, что завтра орлы принесутъ ему крѣпкія веревки; но увы настало утро и полдень и вечеръ, а веревокъ не являлось. Сикъ подошелъ къ стремнинѣ, чтобы напомнить о себѣ. Каково же было изумленіе его, когда корабля не оказалось.

Безжалостные кушцы, боясь, чтобы онъ не проговорился на родинѣ, рѣшились заморить его голодомъ.

Сикъ залился слезами. Какъ вдругъ онъ слышалъ за собою мяуканіе кошки и лай собаки и передъ нимъ предстали спасенныя имъ животныя, стараясь выразить свое удовольствіе.

— Вѣдныя мои друзья — вскрикнулъ мальчикъ — вамъ жалко стало меня и вы пришли раздѣлить со мною мою печальную участь.

Посидѣвъ нѣкоторое время, Сикъ поднялся и направился въ ту сторону, откуда прибѣжали его животныя. Мальчику показалось, что съ той стороны легче будетъ спуститься къ морскому берегу, но мечта эта оказалась несправедливою.

— Откуда же вы пришли ко мнѣ? допрашивалъ мальчикъ собачку.

При этомъ вопросѣ оба животныя подбѣжали къ мрачному гроту и начали оглядываться и бить хвостами.

Сикъ понялъ эти движенія и направился въ пещеру. Кошка и собака криками своими указывали ему направленіе въ темнотѣ. Шествіе это продолжалось довольно долго. Наконецъ предъ мальчикомъ показалась маленькая свѣтлая точка, которая все больше и больше возрастала въ объемѣ, а въ заключеніе онъ очутился у берега шумнаго океана, на которомъ росли большія деревья съ прелестными на видъ и вкусными плодами.

— Ну, я не напрасно освободилъ васъ отъ злыхъ дѣтей — сказалъ Сикъ, обнимая руководителей своихъ. Вы вознаградили меня тѣмъ же.

Пока мальчикъ подкрѣплялъ силы свои фруктами, кошечка съ собакою принесли себѣ завтракъ, состоящій изъ маленькихъ животныхъ и птицъ.

Нѣсколько дней спустя Сикъ, убѣдившись, что островъ этотъ не имѣетъ народонаселенія, построилъ себѣ жилище и приготовился остаться навсегда въ сотовариществѣ кошки и собаки, ко-

торыя не переставали приносить ему дичь. Впослѣдствіи ему удалось приручить дикихъ козь, лакомиться ихъ молокомъ, а изъ кожъ шить одежду. Такъ прошло восемь лѣтъ. Сикъ сдѣлался совершеннолѣтнимъ и началъ тосковать по людямъ.

„Не можетъ быть, чтобы этотъ островъ не соединялся съ остальною землею—думалъ онъ вслухъ—но я не знаю, гдѣ искать его или выхода хоть на другой свѣтъ. Вотъ еслибъ моя кошечка показала мнѣ ворота.

Только что онъ произнесъ эти слова, какъ постарѣвшій уже песь поднялся и, посмотрѣвъ хозяину въ глаза, зашевелилъ хвостомъ.

— Неужели ты знаешь такое мѣсто? съ радостью спросилъ молодой человѣкъ.

Собака завизжала и побѣжала впередъ. Сикъ послѣдовалъ за нею.

Долго они шли по лѣсамъ и полянамъ, усѣяннымъ кусками золота и серебра и пришли къ дереву такой толщины, которая превосходила всѣ человѣческія сооруженія. Въ деревѣ оказалась висячая лѣстница.

Молодой человѣкъ глянулъ внизъ, но ничего не могъ увидѣть въ мрачной глубинѣ.

„Не все ли равно, гдѣ ни погибать—подумалъ онъ и спустился на металлическую ступеню. За нимъ прыгнула и собака и тутъ же появилась и кошка. Только что они установились, какъ лѣстница съ ужасною быстротою начала опускаться въ мрачную глубину. Движеніе это продолжалось такъ долго, что Сикъ, почувствовавъ желаніе заснуть, привязалъ себя кускомъ кожи и забылся. Открывъ глаза отъ внезапнаго столкновенія съ чѣмъ-то твердымъ, молодой человѣкъ замѣтилъ, что находится въ какомъ-то особенномъ мірѣ, гдѣ всѣ деревья созданы изъ известковой массы, воду составляетъ разжиженное серебро, травы имѣютъ человѣческое тѣло и поютъ, какъ земныя птицы. Все это чрезвычайно изумило не только Сика, но и сопровождавшихъ его животныхъ. Юноша поднялъ глаза къ небу и еще больше удивился: оно было темнозеленаго цвѣта и увѣчано 52 солнцами, расположенными въ строгомъ порядкѣ надъ небосклономъ.

„Все это не дурно—сказалъ Сикъ—но каковы должны быть здѣсь люди, если все остальное не имѣетъ сходства съ земными произведеніями.

Просидѣвъ нѣсколько часовъ, молодой человѣкъ направился по едва замѣтной тропинкѣ, ведущей на гору. Когда онъ очутился на возвышенности, то передъ нимъ открылась гладкая поляна, на которой копошились тысячи дѣтей отъ 7 до 8 лѣтнаго возраста.

„Должно быть дѣтскій праздникъ—подумалъ онъ и прибавилъ шагъ. По мѣрѣ приближенія его къ дѣтямъ, послѣднія начали отступать къ противоположной высотѣ и становиться въ боевой порядокъ. На полянѣ осталась только одна дѣвочка съ прелест-

ными чертами лица. Она трепетала отъ страха и закрывалась руками. Сикъ подошелъ къ хорошенькой дѣвочкѣ и въ порывѣ радости началъ цѣловать ей руки и распущенныя косы. Онъ хотѣлъ говорить, но не могъ.

Эта ласка ободрила дѣвочку и она первая обратилась къ нему съ вопросомъ:

— Ты ли то чудовище, которому я предназначена моимъ народомъ на съѣденіе или тебя послалъ Богъ съ другаго міра, чтобы спасти меня отъ позорной смерти?

— Извини меня, мой маленькій дружокъ—отвѣчалъ Сикъ—я, кажется, не хорошо понялъ тебя: о какомъ чудовищѣ ты говоришь?

— Да о томъ, которое, явившись вчера въ мою столицу, потребовало, чтобы меня сегодня вывели на эту равнину и оставили ему на обѣдъ.

— Что же это за чудовище, какой оно имѣетъ видъ и величину?

— Я его не видѣла сама, но мнѣ говорили мои министры, что оно ходитъ по воздуху при помощи какихъ-то необыкновенныхъ зонтиковъ; вмѣсто рта имѣетъ загнутый носъ, которымъ рветъ людей, а вмѣсто рукъ употребляетъ ноги съ острыми пальцами.

— И тебя рѣшили отдать ему на съѣденіе твои подданные? Чтожъ имъ было дѣлать, когда никто не осмѣлился противорѣчить ему.

— Почему же тебя отдаютъ чудовищу, а не другаго кого? спросилъ молодой человекъ.

— Потому что послѣ моей смерти чудовищу легче будетъ справиться съ остальными.

— Но развѣ оно не могло кормиться другими животными? допрашивалъ Сикъ.

— Въ нашемъ мірѣ не существуетъ никакихъ другихъ существъ, кромѣ людей—отвѣчала царица.

— Теперь я понимаю; но будь покойна я не допущу этого злодѣя прикоснуться къ тебѣ и убью его, какъ только онъ осмѣлится приблизиться.

— О, тогда мы всѣ сдѣлаемся твоими рабами и будемъ поклоняться, какъ божеству.

— Я не затѣмъ, моя милая, пришелъ къ вамъ; но объ этомъ мы поговоримъ послѣ, а теперь прибѣжи твоимъ подданнымъ, чтобы они явились сюда съ лопатами. Мнѣ необходимо выкопать яму, въ которую я могъ бы скрыться съ моими друзьями, чтобы внезапно выскочить и схватить чудовище, иначе оно скроется и начнетъ истреблять людей въ другой мѣстности.

Царица махнула рукою и сдѣлала пальцами какіе-то знаки на воздухѣ.

Тысячи маленькихъ людей отвѣчали ей крикомъ и съ удивительною быстротою предстали предъ повелительницею своею, которая приказала одному изъ нихъ исполнять всѣ приказанія ве-

ликаго человѣка, ниспосланнаго съ величайшаго небснаго свѣтила для спасенія ея съ народомъ отъ страшнаго и небывалаго еще на планетѣ ихъ чудовища.

Министръ со страхомъ палъ ницъ предъ Сикомъ.

— Прикажи войску твоему выкопать такую яму, въ которой я могъ бы помѣститься вотъ съ этими животными—сказалъ юноша, подымая пожилаго человѣка.

Приказаніе было немедленно передано и тысячи лопатъ пущены были въ ходъ. Когда яма была вырыта, Сикъ спустился въ нее и приказалъ слегка прикрыть длиннымъ кускомъ матеріи. Затѣмъ взялъ сорокъ шикъ и, связавъ ихъ въ пукъ, пригласилъ царицу сѣсть за спиною его и безъ всякаго страха ожидать чудовище.

— А вы идите и скройтесь въ противоположныя пещеры—сказалъ онъ войску—и не показывайтесь до того времени, пока васъ не позовутъ.

Часъ или два спустя на небосклонѣ показалась черная точка.

— Боже, вскрикнула царица—вонъ тамъ что-то показалось на воздухѣ.

Сикъ началъ присматриваться и узналъ орла.

— Неужели у васъ нѣтъ такихъ животныхъ, которыя называются птицами и летаютъ по воздуху?

— Я въ первый разъ слышу отъ тебя такія небывалыя вещи—отвѣчала трепещущая женщина.

Орелъ ускорилъ полетъ, а нѣсколько минутъ спустя съ ужасною быстротою спустился предъ ямою, въ которой скрывался Сикъ. Оглянувшись самодовольно, птица сдѣлала шагъ впередъ, но юркнула въ яму и очутилась въ сильныхъ рукахъ земнаго человѣка и въ зубахъ собаки. Сикъ не замедлил перевязать ей клювъ, ноги и крылья.

— Ай, ай—закричалъ орелъ человѣческимъ голосомъ—не убивай меня, пощади мои юныя лѣта. Притомъ да будетъ тебѣ извѣстно, что и я такой же земной человѣкъ, какъ и ты.

— Лжешь, негодяй—отвѣчалъ Сикъ—люди земли не питаются человѣческимъ мясомъ, а ты потребовалъ для ѣды царицу.

— Клянусь тебѣ, прекрасный юноша, что я была единственная дочь Оивскаго царя и имѣла несчастіе понравиться одному волшебнику, который, не добившись моего согласія бѣжать съ нимъ, обратилъ меня въ настоящій видъ и заставилъ силою чародѣйства исчезнуть съ лица земли. Какимъ образомъ я попала въ эту страну, мнѣ не извѣстно. Здѣсь я долго искала свойственной мнѣ пищи, но не нашедъ ничего, рѣшилась питаться людьми. О, повѣрь моему сознанию и если можешь сними съ меня чары волшебника.

Выслушавъ это признаніе, Сикъ немедленно освободилъ орла и приказалъ ему слѣдовать за нимъ.

— Ну, царица маленькихъ людей, ты и народъ твой теперь спасены—сказалъ онъ, обращаясь къ изумленной дѣвчкѣ. Надѣюсь, что ты насъ пригласишь въ свой дворецъ и накормишь.

Чудовище это отнынь не тронетъ никого и будетъ твоимъ другомъ. Орель подтвердилъ слова Сика.

Успокоенная царица снова подняла руки, снова послышались радостные крики ея подданныхъ и равнина покрылась тысячами маленькихъ людей. Сказанное Сикомъ передано было министру и войскамъ.

Послѣ чего всѣ направились на гору, откуда представился Сикю безконечной длины городъ съ такими домиками, въ которые онъ могъ бы проникнуть не иначе, какъ ползкомъ.

— Гдѣ же ты насъ помѣстишь? спросилъ молодой человѣкъ у царицы.

— Я уже думала объ этомъ и придумала отличное помѣщеніе. Передъ дворцомъ моимъ есть золотой гротъ, въ которомъ могутъ помѣститься люди гораздо выше тебя. Теперь меня томить другая мысль. Я право не соображу, чѣмъ вы питаетесь и чѣмъ я могу угостить васъ.

— А вы что употребляете въ пищу?

— Мы исключительно питаемся нашими травами и воздухомъ.

— А воды у васъ нѣтъ?

— Я не понимаю этого слова.

Сикъ началъ объяснять, но ни царица, ни другіе мудрецы не поняли его.

— Ну, въ такомъ случаѣ мы не можемъ долго оставаться въ здѣшнемъ мѣрѣ—сказалъ молодой человѣкъ—и обязаны подумать о бѣгствѣ изъ твоихъ владѣній. Нѣтъ ли у тебя такихъ людей, которые научили бы насъ добраться до нашей родины?

— Такихъ у меня много, но я считаю ихъ не при своемъ умѣ и боюсь, чтобы они не сдѣлали тебѣ несприятностей.

— Нѣтъ ли около насъ какого-нибудь изъ этихъ знахарей?

Царица обратилась къ министру и приказала пригласить великаго астронома Аи.

Предъ Сикомъ явился мальчикъ лѣтъ 8 на видъ, у котораго вмѣсто бороды росли земляныя травы различныхъ видовъ.

— Послушай, голубчикъ—сказалъ Сикъ—не знаешь ли ты дороги на планету, которая именуется землею.

— Я знаю всѣ планеты и кометы, но о такой никогда не слышала или ты мнѣ неправильно ее назвалъ. Объясни мнѣ ея свойства и качества, тогда быть можетъ я догадаюсь, о чемъ ты говоришь.

Сикъ началъ говорить все, что было ему извѣстно.

— Нѣтъ, ничего не понимаю. Такой планеты я не знаю. Впрочемъ вотъ тебѣ изобрѣтенное мною зеркало—прибавилъ онъ, подавая Сикю какой-то необыкновенный металлъ. Посмотри самъ на всѣ наши планеты, авось ты отыщешь ту, которую желаешь.

Молодой человѣкъ приложилъ пластинку къ глазу и взглянулъ на самое большое и ярко горящее солнце. Передъ нимъ очутилась земля со всѣми городами, садами и постройками. Онъ видѣлъ даже небольшихъ домашнихъ животныхъ. Сикъ водилъ пла-

стинкою до того времени, пока отыскалъ свой городъ и домикъ, въ которомъ родился. Этого мало, онъ отыскалъ на базарной площади и мать свою, въ рубищахъ просящую подаваніе.

— Вотъ планета, на которой я родился — сказалъ Сикъ, возвращая пластинку астроному.

— Почему же ты узналъ ее?

— Я отыскалъ даже мой домъ и мать.

— Ну, видно мое изобрѣтеніе болѣе пригодно людямъ великаго, темнаго свѣтила, чѣмъ намъ, потому что нашъ глазъ только отличаетъ на этой планетѣ темную и свѣтлую части и немногія возвышенія, а ты увидѣлъ даже мельчайшія подробности. И такъ твоя родина есть та планета, которую мы называемъ большимъ темнымъ солнцемъ?

— Да, я вполнѣ убѣжденъ и былъ бы очень благодаренъ переселиться на него.

— Я тебя сегодня же отправлю туда — отвѣчалъ астрономъ — если ты дашь мнѣ нѣсколько часовъ сроку для сосредоточенія всей притягательной силы этой планетѣ на ящикъ, въ который ты обязанъ будешь помѣститься съ твоими товарищами. Притяженіе это дѣйствуетъ съ такою быстротою, какъ и свѣтъ, слѣдовательно, ты не успѣешь и оглянуться, какъ будешь дома.

Сикъ смотрѣлъ на этого ничтожнаго человѣка съ изумленіемъ.

— Я готовъ томиться голодомъ еще одинъ день — отвѣчалъ онъ — но помни, что если ты не отправишь насъ на землю въ теченіи этого времени, то мы вынуждены будемъ поѣдать васъ. Но вотъ еще одна моя просьба, не имѣется ли у тебя другой пластинки или камешка, который уничтожалъ бы чары, потому что это чудовище, которое хотѣло пожрать сегодня вашу царицу, есть такая же женщина, какъ и она, но одинъ злой человѣкъ превратилъ ее въ хищную птицу и изгналъ съ земли.

— Я не знаю въ точности, что ей можетъ пособить въ настоящемъ положеніи, но у меня есть много такихъ изобрѣтеній, отъ прикосновенія и вліянія которыхъ происходятъ важные перемены. Вотъ, на примѣръ — продолжалъ астрономъ, вынимая изъ кармана маленькую изогнутую трубочку съ многими разнообразными отверстиями. Если этотъ инструментъ приложить къ губамъ и потребовать отъ него создать что-нибудь и затѣмъ приложить къ предмету, который хочешь измѣнить — требованіе сейчасъ же исполняется.

Сикъ взялъ трубочку нашепталь желаніе свое и прикоснулся къ орлу и вмѣсто страшной птицы явилась предъ нимъ неестественной красоты дѣвушка.

— Ахъ, какое блаженство быть человѣкомъ! вскрикнула она, падая на руки молодаго человѣка.

Царица и подданные ея, не перестававшіе съ ужасомъ смотрѣть на страшнаго орла, начали изъявлять благодарность за такое чудо.

— Ну, астрономъ, я оставляю у себя твою трубочку на память — сказалъ Сикъ — она мнѣ пригодится на землѣ.

— А мнѣ, чтобы дать тебѣ въ благодарность за спасеніе? спросила царица. Не возьмешь ли ты мою палку, имѣющую свойство сооружать такія постройки, какія необходимы бываютъ намъ. Кто знаетъ, можетъ быть, на вашей планетѣ она удовлетворитъ и вашимъ требованіямъ? Сказавъ это, царица подала спасителю своему дѣтскій посохъ изъ какого-то неизвѣстнаго состава.

Тѣмъ временемъ всѣ вступили въ городъ, оглушаемые сладкими трелями птичьихъ голосовъ. Министръ объяснилъ Сикю, что это играютъ ихъ музыканты.

Въ дворцѣ нашихъ гостей приняли колѣнопреклоненно, но было много и разбѣжавшихся отъ страха.

— Чѣмъ мнѣ угощать людей земли? спросила царица.

— Мы ничего не употребляемъ вашего—отвѣчалъ Сикъ. Самое лучшее, что ты можешь сдѣлать, это поторопиться своими дѣйствіями астронома.

Царица приказала, чтобы къ Ан немедленно собрались на помощь всѣ остальные астрономы.

Пока Ан работалъ, Сикъ узналъ, что околованную царевну именовали Делюю и успѣлъ выразить ей желаніе не разставаться съ нею.

— Я охотно согласусь избрать тебя моимъ господиномъ—отвѣчала царевна—но не рѣшусь на это безъ благословенія моихъ родителей, которыхъ любила и почитала за ихъ доброту и ласку. Впрочемъ если мы благополучно возвратимся домой, то я не сомнѣваюсь, что родители мои съ радостью согласятся на наше бракосочетаніе.

Нѣсколько часовъ спустя прибѣжалъ посланный съ заявленіемъ, что великій астрономъ проситъ людей великаго свѣтила попроситься съ государынею и пожаловать къ нему.

Сикъ съ друзьями своими попрощался съ царицею и, сопровождаемый тысячами любопытныхъ, въ нѣсколько шаговъ очутился въ дворѣ великаго Ан, который, выбѣжавъ къ нему навстрѣчу съ низкими поклонами, подвелъ къ ящику, къ которому направлены были милліоны какихъ-то неосязаемыхъ нитей, ниспадающихъ отъ земнаго шара.

— Садитесь въ этотъ ящикъ и будьте равнодушны, если вамъ покажется, что вы находитесь на воздухѣ. Мнѣ остается выставить послѣдній составъ и васъ не станетъ на нашей планетѣ. Прощайте, дай Богъ намъ еще разъ увидѣть другъ друга!

Сказавъ это, астрономъ скрылся въ своемъ домикѣ и направилъ съвозъ окно къ ящику двѣ металлическія проволоки. Не успѣли они прикоснуться къ мѣсту сидѣнія гостей, какъ ящикъ исчезъ изъ вида съ такою быстротою, что никто не могъ замѣтить. Двѣ минуты спустя путешественники наши очутились у воротъ знаменитыхъ Оивъ.

— Теперь мы должны разлучиться—сказала Делю—какъ жаль, что я не имѣю права представить тебя сегодня же отцу моему. Но завтра онъ навѣрно отыщетъ тебя и возьметъ во дворецъ.

Тѣмъ временемъ ты позаботься переодѣться въ болѣе приличную одежду. Съ этими словами царевна скрылась за городскими воротами.

Сикъ задумался на минуту, но затѣмъ вспомнивъ, что у него въ карманѣ находилось нѣсколько самыхъ крупныхъ алмазовъ, случайно захваченныхъ при выходѣ изъ необитаемаго острова, вынулъ одинъ изъ нихъ и предложилъ первому еврею купить за полъ цѣны.

Еврей подпрыгнулъ отъ радости въ особенности, когда ему поручено было вдобавокъ принести два лучшихъ наряда.

Такимъ образомъ Сикъ вступилъ въ Фивы и нанялъ помѣщеніе противъ царскаго дворца.

„Теперь подождемъ новостей отъ Делы — сказала онъ, обращаясь къ кошкѣ, которая по обыкновенію садилась къ нему на колѣни и распѣвала пѣсни. Но, увы, дни проходили, а его никто не спрашивалъ и не искалъ.

— А что, если я самъ пошлю во дворецъ свахъ — подумалъ Сикъ. Кто знаетъ, можетъ быть, отецъ не повѣрилъ дочери, рассказавшей о всемъ совершившемся съ нею.

Вечеромъ явилась къ Сикю по требованію его главная городская сваха.

— Я хочу, моя добрая старушка — сказала онъ — чтобы ты сватала за меня царскую дочь. Можешь ли ты это сдѣлать?

— Это мое ремесло и для меня безразлично вступать во дворцы и простыя хаты. Разница только въ вознагражденіи за труды.

— За вознагражденіемъ не будетъ остановки. Если же у тебя спросятъ мое имя, скажи, что та, которую я прошу въ жены, обязана мнѣ возвращеніемъ въ родительскій домъ.

Два дня спустя сваха объявила Сикю, что государь охотно принимаетъ его предложеніе, но не иначе, если онъ воздвигнетъ хрустальный мостъ чрезъ городскую площадь и чтобы на этомъ мосту росли всѣ цвѣты и деревья міра со всѣми лучшими пѣвчими птицами. Если ты сдѣлаешь это, то будешь имѣть право лично явиться къ царю.

Молодой человѣкъ бросилъ свахъ кошелекъ золота и задумался.

„Придется испытать достоинства подарковъ обитателей маленькой планеты — сказала онъ, взявши палочку царицы, спасенной имъ отъ Делы, и вышелъ со двора. Пришедъ на городскую площадь, юноша поставилъ значки и ударилъ волшебнымъ прутикомъ по землѣ.

Въ ту же минуту предъ нимъ выдвинулся ослѣпительный мостъ съ цвѣтами, деревьями и пѣвчими птицами.

Осмотрѣвъ свою постройку, Сикъ направился ко дворцу и попросилъ представить его къ царю.

— Чего ты желаешь, сынъ мой? спросилъ государь, когда онъ введенъ былъ къ нему.

— Я исполнилъ твое приказаніе и воздвигъ хрустальный мостъ — отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— А, понимаю, ты пришел за дочерью моею Делюю. Но она очень сожалѣетъ, что мостъ не оживленъ и проситъ, чтобы на немъ явилась колесница, которая двигалась бы по волѣ сѣдковъ.

— Для Делы я готовъ и это сдѣлать.

— Ну, тогда мы и поговоримъ о днѣ свадьбы.

Сикъ съ грустью возвратился домой и только на другой день создалъ потребованную царемъ колесницу.

На этотъ разъ его встрѣтила во дворцѣ Делы и объявила, что отецъ ея очень разсердился за то, что онъ не сейчасъ же исполнилъ его приказаніе, а отложилъ до слѣдующаго дня и что вслѣдствіе этого не желаетъ имѣть такого непослушнаго зятя.

— А ты развѣ не могла умоловить его? спросилъ Сикъ.

— Это не моя обязанность. Я общалась тебѣ быть женою только тогда, когда родители мои изъявляютъ согласіе, но ты имъ не по вкусу, а я не стану насиловать ихъ. Прощай! На бѣломъ свѣтѣ много невѣстъ кромѣ меня. Сказавъ это, она захлопнула дверь.

„Хороша благодарность—подумалъ Сикъ и, полный озлобленія возвратившись на квартиру, всю ночь онъ придумывалъ какъ бы наказать жестокаго отца съ жестокою дочерью.

На слѣдующій день молодой человѣкъ съ преданными ему животными выступилъ изъ города и, вынувъ изъ кармана малую трубочку знаменитаго астронома Аи, поднесъ ее къ губамъ, что-то нашепталъ и затѣмъ началъ крестить по всѣмъ направленіямъ великій городъ. Послѣ каждаго движенія руки, онъ замѣчалъ, какъ цѣлыя кварталы построекъ рассыпались, какъ выскакивали люди на улицы съ криками и вопили съ поднятыми руками къ небу. Покончивъ съ городомъ, Сикъ навелъ трубочку на воздвигнутый имъ хрустальный мостъ и заставилъ его превратиться въ груду камней. Взаключеніе волшебная трубка осыпала царскій дворецъ и отъ него осталась только груда кирпичей.

„Злые люди не должны существовать—сказалъ онъ, обращаясь къ животнымъ своимъ и быстрыми шагами направился къ мѣсту родины своей.“

Но не успѣлъ Сикъ сдѣлать нѣсколько тысячъ шаговъ, какъ услышалъ за собою топотъ лошадей. Оглянувшись, онъ увидѣлъ вооруженнымъ всадниковъ и впереди ихъ Делю съ саблею въ рукахъ. Сынъ бѣдной вдовы затрепеталъ отъ негодованія и, приложивъ снова трубочку къ устамъ, однимъ движеніемъ превратилъ враговъ своихъ въ мышей.

Этого казалось только и ожидали кошка и собака, чтобы высказать предъ хозяиномъ своимъ свою ловкость и желаніе отомстить врагамъ.

— Пощадите только одну Делю и доставьте ее ко мнѣ живою—успѣлъ крикнуть Сикъ.

Большая часть мышей была истреблена, но Делы доставлена была живою.

— О пощади меня, Сикъ—завопила она своимъ голосомъ—я

много виновата передъ тобою и клянусь, что отнынѣ, когда не осталось въ живыхъ моихъ родителей, я буду твоею рабынею.

— Нѣтъ, ты злая и неблагодарная женщина—отвѣчалъ молодой человѣкъ—и недостойна оставаться среди добрыхъ людей.— Ты должна погибнуть, чтобы не заражать другихъ своими качествами.

— Я дѣлала зло не по собственному влеченію, а по требованію родителей моихъ, которые въ противномъ случаѣ предавали меня истязанію.

Слова эти заставили Сика измѣнить свое мнѣніе о красавицѣ.

„Кто знаетъ—подумалъ онъ—можетъ быть она говорить правду. Надо быть справедливымъ.“

Дела продолжала умолять.

— Хорошо—сказалъ Сикъ—я тебя пощажу, чтобы убѣдиться въ твоихъ увѣреніяхъ—и если ты докажешь, что искренно любишь своего благодѣтеля, то онъ сдѣлаетъ тебя своею женою.

Нѣскольکو времени спустя Сикъ вступилъ въ родной городъ и отправился къ матери, предполагая, что она встрѣтитъ его съ естественною радостью, но старуха, какъ только узнала сына, осыпала его проклятіями за то, что онъ дважды заставилъ ее голодать, и потомъ убѣжалъ отъ богатыхъ купцовъ, которые не переставали-бы оказывать ей помощь.

Сикъ не отвѣтилъ матери ни единымъ укорительнымъ словомъ, но въ тотъ-же день, узнавъ, гдѣ обитаютъ безжалостные евреи, наказалъ ихъ тѣмъ, что всѣ богатства ихъ обратилъ въ груды пепла, а ихъ самихъ въ прокаженныхъ.

— Нѣтъ—сказалъ онъ своимъ животнымъ, возвратившись вечеромъ домой—и здѣсь я не нашелъ ничего отраднаго—уйдемъ лучше въ лѣса и горы, чтобы счастливо дожить свой вѣкъ.

Кошка и собака выразили свое удовольствіе непритворными ласками.

На другой-же день молодой человѣкъ удалился въ отдаленные лѣса и одну изъ громадныхъ скалъ превратилъ въ роскошный дворецъ. Затѣмъ призвавъ къ себѣ Делу, остававшуюся по прежнему мышью, сказалъ ей:

— Дела, даешь-ли ты мнѣ клятву быть моею вѣрною подругою во всю жизнь? Мышь завертѣлась и начала пугаться въ отвѣтахъ.

— Ты, вѣроятно, не приготовилась къ этому—сказалъ Сикъ—подумай-же сегодня ночью, потому что мнѣ скучно жить одному и я хочу жениться.

Молодой человѣкъ твердо былъ убѣжденъ, что Дела охотно изъявитъ свое согласіе и въ этомъ предположеніи заснулъ, забывъ спрятать свои волшебныя палочку и трубку, что не укрылось отъ мыши.

На слѣдующій день онъ вспомнилъ и бросился искать ихъ, но увы, ни мыши, ни драгоценныхъ подарковъ не оказалось. Дела, похитивъ ихъ, изволила бѣжать.

Сикъ призвалъ кошку и приказалъ ей отыскать бѣглицу—во-

ровку. Кошка немедленно, при содѣйствіи собаки, открыла слѣдъ и сообщили хозяину, что воровка скрылась въ узкой расщелинѣ сосѣдней скалы. Молодой человѣкъ пришелъ въ ужасную ярость, но увы, онъ не могъ ничего сдѣлать ничтожному съ виду животному и рѣшился съ друзьями своими сдѣлать засаду и выждать того момента, когда Дела выйдетъ изъ норы, чтобы слѣдовать дальше.

Два мѣсяца спустя мышь была поймана въ ту минуту, когда она выволокла похищенные вещи и собиралась пуститься съ ними въ бѣгство. Сикъ сейчасъ-же превратилъ ее въ первобытный образъ и началъ допрашивать, что ее побуждало къ такой ненависти и что она выпраетъ отъ этихъ позорныхъ поступковъ?

— Ахъ—отвѣчала Дела съ слезами на глазахъ—въ сердцѣ моемъ есть небольшой камешекъ, который заставляетъ меня наслаждаться, когда я отплачиваю людямъ неблагодарностію. Я люблю тебя безумно, но больше желаю твоей гибели. Это чувство не покинетъ меня до тѣхъ поръ, пока существуетъ этотъ наслѣдственный камешекъ. О, чего-бы я ни дала, чтобы его выбросили изъ моего сердца.

Сикъ приложилъ трубочку къ губамъ и навелъ непробудный сонъ на жестокую дѣвицу. Затѣмъ вскрылъ ей ножомъ грудь и очистилъ сердце отъ всякихъ стороннихъ веществъ.

Дела пробудилась совершенно инымъ человѣкомъ.

— Теперь я люблю тебя въ тысячу разъ больше—сказала она, бросаясь на шею къ Сикю и могу увѣрить, что чувство это не измѣнится никогда.

На этотъ только разъ собака и кошка начали ласкаться около царевны и выражать свое удовольствіе.

Сикъ сдѣлался другомъ Делы и вскорѣ возвратился съ нею въ Ойви, которая оживилъ и восстановилъ при помощи трубочки Аи и палки царицы. Затѣмъ онъ сдѣлался повелителемъ всей страны и приказалъ ежегодно отправлять къ матери своей цѣлый караванъ необходимыхъ продуктовъ, которая вмѣсто благодарности продолжала посылать ему укоры за то, что голодала чрезъ него два дня въ жизни.

Ашикъ Гарибъ *).

Въ давно минувшія времена въ славномъ городѣ Тебрисѣ, славился безчисленными богатствами купецъ по имени Аметъ. У этого высокочтимого человѣка вся семья состояла изъ доброй жены, небольшой дочери и 17-ти лѣтняго сына Ресуля. Послѣдній былъ для отца дороже всего міра.

*) Сказка эта настолько популярна между мусульманскими народами, что едва ли найдется пяти лѣтняя дѣвочка, которая незнакома съ именемъ Ашикъ Гариба. Лермонтовъ въ бытность свою на Кавказѣ, перевелъ ее на русскій языкъ, но онъ, какъ незнакомый съ восточными нарѣчіями, безъ сомнѣнія, списалъ ее съ разсказа личности, плохо знающей эту сказку или не считавшей нужнымъ посвящать нашего поэта въ подробности, вслѣдствіе чего она и не могла обратить на себя вниманія читателей.

И дѣйствительно, этотъ юноша съ вишневыми губами, съ жемчужными зубами, съ брилліантовыми глазами и походящими на двѣ розы щеками, при стройности кинариса и округленности бѣлаго голубя казался красивѣе луны небесной. Проще онъ такъ былъ красивъ, что всѣ женщины приходили въ болѣзненный восторгъ при встрѣчѣ съ нимъ.

Отецъ гордился такою красотою сына и дорожилъ имъ, какъ своими глазами. Но, увы, недолго ему приходилось наслаждаться своимъ счастіемъ. Старикъ заболѣлъ, поохалъ, постоная и умеръ. Всѣмъ извѣстно, что пришедшіе въ этотъ міръ, отъ чего нибудь должны переселиться въ другой. Такъ случилось и съ богачемъ Аметомъ.

Неожиданное событіе это ужасно повліяло на Ресуля и онъ началъ вянуть отъ скорби. Ни мать, ни сестра не могли разве-селить его.

Въ сказанное время въ Таврисѣ появилось 40 мошенниковъ съ цѣлю нажить состояніе на счетъ довѣрчивыхъ людей и скоро узнали, что Ресуль изнываетъ отъ грусти по отцу.

— Это отличная находка для насъ—сказалъ одинъ изъ нихъ. Пойдемъ къ нему, друзья, и прикинемся искренними пріятелями покойника, а потомъ уже сообразимъ, какъ будетъ удобнѣе перевести его состояніе въ наши карманы.

Всѣ согласились, обдумали первоначальный планъ атаки и направились къ безутѣшному юношѣ. На дворѣ подъ тѣнистымъ деревомъ лежалъ Ресуль въ мрачномъ уныніи.

— Гдѣ здѣсь живетъ знаменитый купецъ Аметъ? спросили они у молодаго человѣка, представляясь, что не знаютъ ни его, ни совершившагося событія въ домѣ.

— Онъ жилъ здѣсь—отвѣчалъ Русель, но теперь переселился въ другой міръ.

— Какъ, неужели нашъ другъ и благодѣтель умеръ, не простившись даже съ нами?! вскрикнули мошенники и съ страшными воплями бросились на землю.

Юноша смотрѣлъ на нихъ съ изумленіемъ и, повѣривъ ихъ искренней скорби, началъ утѣшать.

— Нѣтъ, нѣтъ, не трудись отвлекать наши сердца отъ чувства любви и вѣчной благодарности къ нашему благодѣтелю—отвѣчали негодаи—мы должны день и ночь плакать, чтобы усладить душу Амета. Мы должны сдѣлаться рабами его дѣтей и даже тѣхъ, которые служили покойнику въ его послѣднія минуты жизни и которые омыли его тѣло!

О, Господи даруй нашему благодѣтелю всѣ райскія блага! и вновь начали бить себѣ въ грудь и валяться по землѣ.

Много трудовъ и усилій употребилъ молодой человѣкъ, пока угомонились неожиданные гости. Назвавъ себя сыномъ того, о комъ они сокрушаются, Ресуль, убѣжденный, что въ обществѣ ихъ менѣе будетъ тосковать, положился пригласить ихъ къ себѣ.

— Не смотря на то, что мы ѣдемъ по дѣламъ торговли въ

Индію—отвѣчалъ старшій—мы останемся у тебя до тѣхъ поръ, пока совершится 40 дней, со дня смерти отца твоего и нашего, чтобы торжественно помолиться о душѣ благодѣтеля нашей страны. Теперь же попросимъ тебя, прикажи слугѣ твоему указать могилу отца. Намъ необходимо оросить ее нашими слезами.

Просьба эта сейчасъ же была выполнена. Часъ спустя мошеники возвратились съ кладбища съ заплаканными и опухшими глазами и приглашены были къ роскошному обѣду, а затѣмъ размѣщены по лучшимъ комнатамъ.

Нѣсколько дней спустя, одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Не пойти ли намъ, друзья, погулять за городомъ. Наша постоянная скорбь и слезы могутъ неприятно дѣйствовать на благодѣтеля нашего.

— Это правда, это правда—отвѣчали остальные.

Ресуль не рѣшился противорѣчить и послѣдовалъ за добрыми друзьями, которые привели его въ великолѣпный садъ и посадили передъ маленькимъ хрустальнымъ прудомъ, окруженнымъ милліонами цвѣтовъ, между которыми порхали и пѣли сладкозвучные соловьи.

— Какъ здѣсь хорошо—сказалъ юноша—отчего мы раньше не посѣщали это мѣсто?

— Оттого, вѣроятно, что души наши переполнены были болѣзненною скорбію—отвѣчалъ одинъ изъ мошениковъ.

Нѣсколько времени спустя, Ресулю захотѣлось покушать чего-нибудь, такъ какъ время завтрака давно прошло. Не успѣлъ онъ сказать о своемъ желаніи, какъ друзья выложили передъ нимъ разнаго рода закуски и превосходные напитки, которыхъ молодой человѣкъ раньше никогда не пробовалъ.

— На воздухѣ и въ такомъ саду всегда является желаніе полакомиться чѣмъ-нибудь хорошимъ—сказалъ старшій по лѣтамъ, наливая полную чашу сладкаго напитка и подавая Ресулю.

Молодой человѣкъ хотѣлъ было отказаться, но боясь показаться мальчикомъ, принялъ чашу и разомъ осушилъ ее. Минуту спустя, онъ почувствовалъ пріятную теплоту и какое-то очарованіе, котораго раньше не ощущалъ.

Послѣ закуски ему подали вторую чашу. На этотъ разъ юноша положительно повеселѣлъ, запрыгалъ и началъ бросать въ чистыя воды пруда золотыя монеты, чтобы любоваться ихъ блескомъ между камешками.

На слѣдующій день, Ресуль уже самъ изъявилъ желаніе идти въ садъ и на этотъ разъ приказалъ купить, какъ можно больше очаровательнаго напитка. Послѣ третьей чарки червонцы вновь полетѣли въ воду.

На третій день, услужливые товарищи уже пригласили въ садъ баядерокъ и хорошенькихъ дѣвушекъ, которые за деньги готовы были сдѣлать все, что имъ прикажутъ.

Такимъ образомъ прогулки эти превратились въ необходимыя потребности и совершались ежедневно. Ресуль забылъ не только

про умершаго отца, но и о существованіи матери и сестры. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя въ сундукахъ отца его не осталось ни одной монеты. Тогда онъ началъ продавать все движимое и недвижимое имущество и продолжалъ забавляться, пока и это перешло въ карманъ мошенниковъ.

Лишь только онъ сдѣлался нищимъ, друзья распрощались съ нимъ и скрылись изъ Тебриса. Тогда только молодой человѣкъ понялъ всѣ ошибки и увлеченія свои, — но прошлаго не возвратитъ. Прогулявъ еще нѣсколько времени безъ занятій, онъ въ заключеніе рѣшился разносить по дворамъ мясо, но дѣло это не принесло ему никакой выгоды.

— Не изучитъ ли мнѣ какое-нибудь ремесло? подумалъ онъ и съ этимъ намѣреніемъ поступилъ къ мастеру мѣдной посуды. Прослуживъ нѣсколько недѣль, юноша какъ-то по разсыянности не разслышалъ приказанія хозяина, который за это разсердился и выгналъ его.

Ресуль перешелъ къ портному, но и здѣсь за излишнее усердіе, оказался бесполезнымъ и потерялъ мѣсто. Пошелъ къ слесарю, затѣмъ къ токарю, плотнику и т. п., но у всѣхъ 32 мастеровъ не прожилъ и года.

— Ну, что мнѣ дѣлать теперь? говорилъ онъ про себя. Къ кому обратиться, гдѣ найти пропитаніе? Съ этими словами на устахъ, онъ очутился передъ кофейнею, гдѣ два шаира *) забавляли народъ. А, что если я попрошу ихъ принять меня въ среду свою? подумалъ Ресуль. Молодой человѣкъ бѣгомъ пустился домой, надѣлъ послѣднее свое чистое платье и, вошедъ къ шаирамъ, заявилъ о своемъ желаніи. Шаиры, увидѣвъ передъ глазами такой поразительной красоты юношу, ударили по мѣднымъ струнамъ своихъ сазовъ и громко запѣли:

„Что за диво видимъ! такихъ, вѣроятно, на землѣ только одинъ.

О, да живеть тысячи лѣтъ, родившая такого красавца!

Ты вѣрно выходець изъ блаженнаго рая:

Мы рады будемъ принять тебя **).“

Ресуль поблагодарилъ сладкозвучныхъ поэтовъ и съ того же дня началъ изучать ихъ ремесло; но, увы, онъ не имѣлъ ни ловкости въ пальцахъ, ни способности къ импровизаціи, а между тѣмъ народъ, собиравшійся въ большомъ числѣ въ кофейню, чтобы смотрѣть на красавца, все болѣе и болѣе настаивалъ, чтобы и онъ пѣлъ. Шаиры выходили изъ себя, но дѣло не шло на ладъ.

Однажды Ресуль, подавленный неудачами въ жизни, задремалъ. Вдругъ передъ нимъ предсталъ Хыдыръильязъ (св. Георгій) съ золотымъ стаканчикомъ и, показавъ портретъ молодой прелестной дѣвушки, заставилъ вышить изъ стакана напитокъ любви. Затѣмъ, даря молодому человѣку кубокъ, сказалъ: „дѣвушку эту

*) Пѣсенники—балалаичники.

**) Всѣ эти пѣсни въ оригиналѣ рифмованы.

ты найдешь въ Тифлисѣ, имя ея Шахсима; а твое отнынѣ будетъ Ашикъ Гарибъ“. Сказавъ эти слова, святой скрылся. Пробудившись, Ресуль увидѣлъ около себя золотой кубокъ.

Такой точно сонъ и такой-то точно кубокъ въ тотъ же день поданъ былъ Хыдырьяльзомъ и прекрасной Шахсима въ Тифлисѣ. Дѣвушка эта сейчасъ же почувствовала ужасное влеченіе къ Ашикъ Гарибу.

Чѣмъ больше Ресуль старался увѣрить себя въ несбыточности сновидѣнія, тѣмъ больше на него дѣйствовало напитокъ любви. Не зная, какъ излить свои чувства, онъ какъ-то случайно взявъ въ руки не слушавшій его раньше сазъ и вдругъ запѣлъ такимъ звучнымъ и чуднымъ голосомъ, что всѣ бывшіе въ сосѣднихъ комнатахъ притаили дыханіе и начали трепетать отъ удовольствія. Ресуль запѣлъ слѣдующее:

„То чего я просилъ отъ Бога
То принесъ мнѣ Хыдырьяльзъ!
Ахъ, съ юности я испыталъ многое
И Богъ вѣдаетъ, что будетъ потомъ?
Напоилъ меня святой напиткомъ любви
И открылъ образъ красоты.
Являлись ко мнѣ многіе друзья,
Чтобы подружиться съ моимъ наслѣдствомъ.
И лишили меня послѣдней монеты,
Взамѣнъ богатства святыя дали мнѣ другой даръ
И отверзли очи любви и нѣгу сердца.
Многихъ мастеровъ я обошелъ съ желаніемъ учиться,
Но ни одинъ изъ нихъ не пожалѣлъ меня.
Теперь же я, какъ ничтожный соловей, намелъ розу
И не перестану воспѣвать ея красоту.“

Народъ закричалъ отъ радости и началъ привѣтствовать милого пѣвца. Изумленные шаиры не знали, что и думать. Когда смолкли радостные крики, они взялись было по обыкновенію за свои сазы, но ихъ никто не хотѣлъ болѣе слушать и всѣ поуходили изъ кофейни.

— Э, братъ, плохо наше дѣло—сказалъ шаиръ другу своему. Намъ придется выпроводить этого Ашика *) отсюда, иначе мы останемся безъ хлѣба. Эти влюбленные точно поютъ подъ шопоть веселыхъ пери и чаруютъ добрыхъ людей.

Въ тотъ же вечеръ оба музыканта начали возносить талантъ Ресуля и увѣрять его, что такіе, какъ онъ пѣвцы высоко цѣнятся въ Тифлисѣ и имъ платятъ слушатели за всякую импровизацію по червонцу.

— Я охотно пошелъ бы туда, но у меня мать и сестра—отвѣчалъ онъ.

— Возьми и ихъ съ собою. Онѣ будутъ сберегать твои заработки. Мы также думаемъ переѣхать туда.

— Если вы пойдете—отвѣчалъ Ашикъ—то я охотно послѣдую за вами.

*) Влюбленнаго. Гарибъ въ переводѣ значить бѣдный. Такимъ образомъ Ашикъ Гарибъ значить бѣдный влюбленный.

Шаиры переглянулись и увѣрили молодаго человѣка, что къ завтрашнему дню они соберутся въ дорогу.

Ресуль съ радостью побѣждалъ къ матери, чтобы угворить ее слѣдовать за нимъ въ столицу Кавказа. Не будучи увѣренъ въ силѣ простыхъ словъ, юноша сталъ передъ матерью и ударивъ по струнамъ балалайки, запѣлъ жалобнымъ голосомъ:

„Безумно я полюбилъ твою невѣстку
И убѣжденъ, что найду ее въ Тифлисѣ.
Это крайне необходимо для меня.
О, мать не забывай меня въ молитвахъ!
Красавица моя живетъ въ Тифлисѣ,
А я такъ страдаю и мучусь вдали,
Что другіе не постигнуть моихъ мученій.
О, мать я собрался уже въ дорогу,
Такъ какъ любовь сковала мои виски
И безжалостно выжимаетъ слезы изъ глазъ.
Въ сердцѣ моемъ такой пылаетъ огонь,
Что ни дерево, ни камень не выдержать его!
Охъ, мать, это мѣсто мнѣ кажется пустынею,
Я долженъ идти въ Тифлисѣ!“

Нѣжная мать поняла значеніе этой пѣсни и поспѣшила заявить, что она готова послѣдовать за нимъ. Ашикъ Гарибъ снова запѣлъ:

„Только вчера я узналъ ее въ сновидѣніи
Она хороша, какъ луна на небѣ.
Ахъ, любовь, пощади меня!
Она безподобна на портретѣ,
Волосы спадаютъ до пятокъ,
А въ рукахъ сіяетъ чаша золотая.
Счастливъ Ресуль съ своимъ бокаломъ,
Но любовь его ужасно терзаетъ!“

На слѣдующій день, Ашикъ Гарибъ съ матерью и сестрою вышли изъ Тебриса и послѣ продолжительной ходьбы остановились поджидать шаировъ, назначившихъ мѣсто встрѣчи. Но послѣдніе не являлись. Ресуль понялъ, что его обманули, но такъ какъ его тянуло къ Шахсиму, то онъ рѣшился и безъ нихъ слѣдовать впередъ. Послѣ ходьбы, продолжавшейся нѣсколько часовъ, на несчастныхъ пѣшеходовъ полилъ дождь. Скрывшись въ степи не представлялось возможности. Женщины завопили. Къ счастью ихъ догналъ обширный караванъ, хозяинъ котораго, узнавъ въ Ашикѣ Гарибѣ сына обогатившаго его кунца, немедленно распорядился посадить ихъ на муловъ и прикрыть зонтиками. Благодаря этому доброму человѣку, Ресуль съ матерью и сестрою отлично кормились и благополучно достигли до столицы Кавказа.

— Ну, теперь вы можете идти, куда предполагаете — сказалъ хозяинъ каравана—а я намѣренъ ѣхать дальше.

Ресуль поблагодарилъ кунца и вошелъ въ городъ, оставивъ мать и сестру у дверей мечети, а самъ пошелъ искать пріюта. Прошедъ нѣсколько кварталовъ, онъ увидѣлъ одного богато одѣтаго человѣка, важно сидѣвшаго у дверей своего большаго дома. Ашикъ Гарибъ началъ просить его принять ихъ на ночлегъ, но

богачъ не удостоилъ его даже отвѣтомъ. Опечаленный Гарибъ въ предположеніи тронуть его своимъ голосомъ зашѣлъ:

„Моя добрая мать съ молодою сестрою
Стоять у дверей мечети и ждуть пріюта.
Въ мукахъ безъизвѣстности имъ день не день,
Ночь не ночь. Ты знаешь сердце бѣдныхъ!
Богъ накажетъ безжалостныхъ людей,
Если старуха умретъ у дверей молитвы.
Я также былъ богатъ, но всего лишился
И теперь живу во мракѣ скорби.
Ой, пожалѣй старуху у дверей мечети!
Она дрожитъ подь каплями дождя
И ждетъ, чтобы я возвратился за нею.
Ахъ, прими насъ поскорѣй подь кровлю дома твоего!“

На восхитительные звуки голоса Ашика сбѣжалась цѣлая толпа молодыхъ людей и ожидала, что отвѣтитъ богатый купецъ, но онъ по прежнему не прерывалъ молчанія. Ресуль опечалился и рѣшился обратиться къ молодежи:

„Не я причиною моихъ неудачъ,
Такъ пожалѣйте хоть вы меня!
Изъ глазъ моихъ капають слезы,
А мать стоитъ подь мечетью.
Этотъ богачъ думаетъ о раѣ,
Но слезы другихъ преградятъ ему путь.“

Тронутые его печальнымъ голосомъ молодые люди напали на богача и требовали, чтобы онъ пріютилъ бѣдныхъ людей. На ихъ шумъ выбѣжали и сосѣди. Но купецъ оставался неумолимымъ до того времени, пока одинъ изъ молодцовъ обнажилъ саблю и, подошедъ къ нему, сказалъ во всеуслышаніе:

— Джигиты, клянусь вамъ пророкомъ, что тотъ, который убьетъ такого безжалостнаго человѣка, непременно будетъ сопричисленъ къ лику святыхъ газы *). Я рѣшился обезглавить этого злодѣя.

Богачъ струсиль и началъ просить не трогать его. Тогда молодые люди послали за матерью и сестрою Ашикъ Гариба и сильно ввели ихъ въ домъ скупаго человѣка.

Предъ вечеромъ Ресуль, узнавъ, что въ кофейнѣ достопочтеннаго Магмута останавливаются всѣ знаменитые шаиры и восхищаются импровизациями своими тифлисскихъ жителей, взялъ свой сазъ и направился туда.

— Съ пріѣздомъ, милости просимъ—сказалъ ему Шаиръ-баши, указывая мѣсто около себя. Откуда ты и какой твой городъ?

Ашикъ Гарибъ положилъ свой сазъ на колѣни и зашѣлъ:

„Вы хотите знать, откуда я пришелъ?
Слушайте же описаніе Тебриса.
Весною въ немъ цвѣтутъ всѣ сорта розъ,
Въ дни байрама всѣ женщины въ атласѣ
И одежда зеленая тамъ не знаетъ порчи.
Окрестности Тебриса въ лѣсахъ,
А жители безъ исключенія беки и паши!“

*) Мучениковъ за вѣру.

Въ немъ восемь тысячъ предмѣстій
И въ каждомъ по 4 тысячи угловъ.
На рынкахъ его фонтаны и ручьи,
Вездѣ увидишь славныхъ пеливановъ *)
Въ блестящихъ масляныхъ одеждахъ!
Туда собираются со всего міра кушцы,
Чтобы насладиться пирами.
Тамъ каждый торгашъ въ день отправляетъ
Триста шестьдесятъ вьюковъ товару,
Который перекидывается изъ рукъ въ руки
И расходится во всѣ концы міра.
Таковъ мой городъ, славный Тебрисъ!⁴

Надо знать, что противъ кофейни Магмута находился домъ богатѣйшаго кушца съ единственною дочерью, тою Шахсиме, портретъ которой поразилъ бѣднаго Ресуля. Дѣвушка эта, пока пѣлъ молодой человѣкъ, сидѣла у окна и съ замираніемъ сердца прислушивалась къ каждому слову своего суженаго.

— Bravo, машъ Алла, машъ Алла! закричали всѣ слушавшіе Ашика и начали просить, чтобы онъ пропѣлъ еще что-нибудь.

Ресуль положилъ снова пальцы на металлическія струны и запѣлъ болѣе сильнымъ голосомъ:

„Бѣлый хлопокъ даетъ намъ Индія,
Рисомъ и пшеницею кормить земля;
Овцами снабжаетъ Муханъ,
А медомъ Гурджистанъ.
Шербетомъ любви только поить
Одинъ могущій Хыдырьильязъ!
Тотъ, кто испилъ его чашу до дна,
Тому имя Ашикъ Гарибъ!⁴

Услышавъ эти послѣднія слова, Шахсиме позвала служанку свою и сказала ей:

— Дорогая моя Гумышъ! Тамъ, въ кофейнѣ Магмута кто-то поетъ такимъ голосомъ, что прожогъ мнѣ сердце. Поди и узнай его имя и откуда онъ родомъ.

Одновременно въ кофейню прибѣжалъ и важный гражданинъ Тифлиса Синанъ, чтобы взглянуть на небывалаго еще импровизатора. Цѣлуя его въ оба глаза, онъ предложилъ ему горсть червонцевъ, обѣщавъ выдать за него дочь свою или кормить всю жизнь, если онъ поселится около него съ условіемъ хоть разъ въ недѣлю пѣть передъ нимъ.

— Я могу принять отъ тебя только послѣднее предложеніе— отвѣчалъ Гарибъ—но у меня есть мать и сестра, которымъ нельзя жить безъ меня.

— Пусть и онѣ живутъ съ тобою въ моемъ домѣ—сказалъ Синанъ. Я настолько богатъ, что могу и сотню человѣкъ прокормить.

Приглашеніе это было кетати, потому что Ашикъ Гарибъ до того понравился хозяйкѣ, въ домѣ которой онъ поселился, что

*) Борцы.

приходилось или сдѣлаться преступникомъ противъ заповѣдей Божіихъ или бросать мать и сестру на произволъ судьбы и поселиться въ кофейнѣ Магмута.

Въ тотъ же вечеръ Ашикъ Гарибъ, повѣсивъ свой сазъ гораздо выше балалаекъ старыхъ композиторовъ съ цѣлью показать свое преимущество предъ ними, возвратился къ роднымъ и перевелъ ихъ къ гостепріимному Синау.

На слѣдующій день Ресуль вновь явился въ кофейню, гдѣ съ нетерпѣніемъ и ожесточеніемъ ожидали его шаиры.

— Другъ мой—сказалъ шаиръ-баши—потрудись объяснить публично, по какому праву ты позволилъ себѣ повѣсить свой сазъ выше нашихъ? Сдѣлалъ ли ты это по ошибкѣ или съ сознаниемъ своего преимущества надъ нами?

— Я хотѣлъ было разбить въ дребезги твой инструментъ, но рѣшился предварительно выслушать твое объясненіе.

Ашикъ Гарибъ снялъ свою балалайку и, положивъ пальцы на струны, отвѣчалъ:

— Я не намѣренъ объясняться предъ тобою, шаиръ-баши, но пусть люди сторонніе рѣшатъ, кто изъ насъ имѣетъ преимущество—и онъ заплѣлъ такимъ восхитительнымъ голосомъ, что всѣ слушатели боялись громко дышать.

Окончивши импровизацію въ римахъ, юноша положилъ передъ шаирами свой сазъ и сказалъ: „если вы отвѣтите мнѣ лучшими стихами, то будете имѣть право разбить мой инструментъ.“

Шаиры начали напрягать свои способности, но къ несчастію ничего не могли придумать въ отвѣтъ импровизаціи Ашикъ Гариба.

Публика пришла въ восторгъ и провозгласила молодаго чело-вѣка шаиръ-башиемъ.

Два дня спустя Ресуль подошелъ къ бассейну воды, чтобы полюбоваться его красотою, какъ вдругъ съ удивленіемъ отшатнулся назадъ. Въ водѣ онъ увидѣлъ портретъ той самой Шахсиме, которую ему показалъ Хыдырьильязъ. Поднявъ глаза, молодой чело-вѣкъ вскрикнулъ и заплѣлъ. На этотъ разъ изъ устъ его вылетали брилліанты въ честь красоты несравненной дѣвушки.

Шахсиме отвѣтила ему нѣсколькими словами, изъ которыхъ Ашикъ Гарибъ понялъ, что и она его любитъ и будетъ ждать свахъ.

Вечеромъ молодой чело-вѣкъ пришелъ къ матери своей и объявилъ ей, что онъ нашелъ суженую и успѣлъ переговорить съ нею.

— Теперь ты должна идти къ родителямъ Шахсиме и просить ихъ выдать ее замужъ за меня—сказалъ Гарибъ.

Старуха, узнавъ, гдѣ живетъ красавица, сейчасъ же набросила на голову покрывало и вышла со двора. Нѣсколько часовъ спустя она возвратилась и объявила сыну, что родители Шахсиме охотно изъявляютъ свое согласіе, но требуютъ халымъ въ 40 кошельковъ золота.

Слова эти заставили Гариба тяжело вздохнуть.

— Бѣдняжка у тебя нѣтъ ничего—сказала мать съ слезами на глазахъ.

— О чемъ это ты опечалился? спросилъ Синанъ, обращаясь къ Ашику.

— Мнѣ не о чемъ веселиться, добрый хозяинъ. Видно я родился въ несчастную минуту.

Старуха рассказала причину грусти сына.

— Ну, о такихъ пустякахъ не стоитъ грустить—отвѣчалъ Синанъ—я съ большимъ удовольствіемъ подарю тебѣ эту сумму денегъ хоть сейчасъ.

Бѣдная мать просіяла отъ радости, въ надеждахъ видѣть сына счастливымъ и начала благодарить добраго гражданина.

— Нѣтъ—отвѣчалъ Ашикъ Гарибъ—я никогда не рѣшусь жениться на счетъ чужихъ. Спасибо тебѣ, благодѣтель нашъ, и за то, что ты далъ намъ мѣсто подъ кровлю своюю.

— Какъ же ты сдѣлаешь, сынъ мой, чтобы достичь желанія? спросила мать.

— Я пойду на заработки и надѣюсь пріобрѣсти эти деньги собственными трудами.

На слѣдующій день Ресуль простился со всѣми и, повѣсивъ свой сазъ на стѣнѣ, сказалъ матери:

— Не скорби за мною, если не будешь долго имѣть вѣсти. Если же одна изъ струнъ моей балалайки сама по себѣ лопнетъ, тогда только знай, что я умеръ.

Затѣмъ онъ подошелъ къ окну Шахсима и по обыкновенію заплѣлъ:

„Съ той минуты, какъ я увидѣлъ тебя,
Красавица, надъ красавицами,
Во мнѣ не осталось ни воли, ни ума,
А сердце бѣдное какъ воскъ растало.
Я ухожу съ клятвою не измѣнить тебѣ
И хотѣлъ бы узнать, поглянешь ли и ты
Любить несчастнаго человѣка,
Хотя на извѣстный срокъ.“

Прочѣвъ эту импровизацію, Гарибъ, сокрушенный грустью присѣлъ подъ деревомъ и заснулъ. Между тѣмъ Шахсима приказала любимой служанкѣ своей извѣстить друга, что она сейчасъ сойдетъ къ нему.

Гумышъ незамедлила выйти къ Гарибу и нашла его спящимъ. Пожалѣвъ будить его толчками, она заплѣла:

„Госпожа моя сейчасъ сойдетъ:
Проснись, охотникъ, проснись,
Твоя добыча идетъ!
Красота ея затмила міръ;
Проснись, охотникъ, проснись,
Твоя добыча идетъ!
Черные локоны ея выются по щекамъ,
Глаза полны отрады;
Проснись, охотникъ, проснись

Твоя добыча идет!
Ея ручки и ножки въ кнѣ сіяютъ *),
На грудяхъ точно два перла горятъ;
Проснись, охотникъ, проснись
Твоя добыча идет!
На троттуарѣ изъ мелкихъ камней
Красавица слезы пролететь напрасно;
Проснись, охотникъ, проснись
Твоя добыча идет!
Вотъ уже она показалась
И сейчасъ будетъ около тебя:
Проснись, охотникъ, проснись
Твоя добыча идетъ! и проч.

Ашикъ Гарибъ не шевелился. Между тѣмъ красавица подошла къ нему, постояла и, пропѣвъ въ свою очередь, вынуждена была возвратиться. Ресуль проснулся только тогда, когда она была далеко отъ него. Молодой человѣкъ, ударивъ себя по головѣ, запыль:

„Что за несчастіе меня постигло?
Милая была около меня,
А я въ сладкомъ сновидѣніи
Лежалъ, какъ мертвецъ!“

И онъ горько заплакалъ. Шахсима не выдержала и бросилась къ нему на шею.

— Милый мой—сказала она—я принесла тебѣ ту сумму денегъ, которую требуетъ отъ тебя отецъ мой въ калымъ. На, возьми ихъ и внеси поскорѣе, чтобы началась наша свадьба—и она поднесла ему золото.

— Нѣтъ, Шахсима, я никогда не рѣшусь жениться на чужія деньги. Это отравить мой сладкія чувства и вмѣсто блаженныхъ дней я буду носить тяжелый камень на душѣ. Повѣрь, что я говорю тебѣ правду и поклянись мнѣ, что ты не выйдешь замужъ ни за кого другаго, пока я не возвращусь или пока мать моя не извѣститъ тебя о моей смерти. Я хочу самъ заработать деньги и наслаждаться моею жизнію въ полномъ смыслѣ слова. Я знаю, что деньги эти не легко и не скоро достанутся мнѣ, но надѣюсь, что чрезъ семь лѣтъ мои страданія вознаградятся.

— Хорошо, я изъясляю согласіе—отвѣчала Шахсима. Но помни, что во все время твоего отсутствія я буду больна и никто не излечитъ меня кромѣ Ашикъ Гариба. О, не лучше ли намъ теперь соединиться?

Семь лѣтъ составляютъ цѣлую жизнь для нѣкоторыхъ людей и притомъ дороги жизни могутъ представить тебѣ много соблазновъ.

Шахсима начала выражать свои чувства и страхъ въ пѣсняхъ. Гарибъ отвѣчалъ ей тѣмъ же. Въ заключеніе она потребовала отъ него, чтобы онъ не заходилъ только въ Грецію, гдѣ противъ красоты женщины не устоитъ ни одинъ мужчина. Послѣ чего Ре-

*) Кля есть краска, которою красятъ на востокѣ оконечности пальцевъ.

судь оставилъ ей на всякій случай чашу, данную ему Хыдыръ-ильязомъ, а она для сбереженія его чести вручила свою ночную сорочку.

Нѣжные любовники разстались, рыдая, какъ дѣти.

Ашикъ Гарибъ вышелъ изъ Тифлиса и направился къ берегамъ Чернаго моря. Здѣсь онъ сѣлъ на корабль и поплылъ въ Константинополь, но такъ какъ въ этомъ городѣ не нашелъ выгодныхъ занятій, отправился дальше и прибылъ въ великолѣпный Алеппо, гдѣ высоко цѣнились поэты и импровизаторы пѣсней. Зашедъ въ одну кофейню, молодой человекъ потребовалъ чашку кофе и, узнавъ отъ хозяина ея, Арсланъ-деде, что онъ не вручаетъ никакой пользы, юноша заплатилъ ему за угощеніе червонецъ и предложилъ себя въ товарищи.

— Насъ и безъ того девять человекъ—отвѣчалъ Арсланъ-деде.

— Ну, такъ я буду десятый. Авось счастье ваше измѣнится.

— Пожалуй, будь и ты съ нами—согласился торговецъ.

Ашикъ Гарибъ въ тотъ же день убралъ и очистилъ отъ сора и грязи кофейню, купилъ нѣсколько овъ самого лучшаго эменскаго кофе, самъ научилъ хаведжія, какъ слѣдуетъ варить этотъ напитокъ, чтобы обратить вниманіе знатоковъ, купилъ себѣ новый сазъ и началъ распѣвать пѣсни.

Чудный голосъ его сначала останавливалъ проходящихъ, но потомъ началъ заманивать. Кофейня набилась биткомъ народомъ и торговля оказалась баснословною, потому что богатые расплачивались чрезвычайно щедро. Съ этого дня всѣ 9 товарищей переселились въ заведеніе свое и съ благоговѣніемъ служили пришельцу, предоставлявшему имъ превосходныя выгоды.

Нѣсколько времени спусти слава Ашикъ Гариба распространилась по всему городу. Шаиры лучшихъ кофейнь возроптали и начали кляузничать. Заинтересованный искусствомъ и талантомъ пришельца городской паша послалъ своего довѣреннаго послухать Ашика и затѣмъ свести съ его шаиромъ въ состязаніе.

Довѣренный донесъ, что молодой человекъ неподражаемъ ни въ голосѣ, ни въ способностяхъ импровизаціи и что всѣ алеппскіе шаиры не въ состояніи были даже придумать отвѣта на заданныя Гарибомъ рюмованные вопросы.

— Приведите его ко мнѣ—Приказалъ паша. Я хочу самъ удостоверить въ вашихъ словахъ.

Когда явился Ашикъ передъ могущественнымъ человекомъ и поцѣловалъ его фалду кафтана, паша предложилъ ему свой дорогой сазъ и потребовалъ, чтобы онъ показалъ свое искусство.

Молодой человекъ не заставилъ повторить приказаніе. Быстро настроивъ инструментъ, онъ началъ пѣть про красоту Шахсима и свою печальную участь. Хвала эта такъ была хорошо выяснена, что, гостившій у паши племянникъ, Шахвалетъ заочно влюбился въ таинственную красавицу Тифлиса и поклялся во чтобы ни стало отыскать ее и сдѣлать своею женою.

Паша-же до того прельстился голосомъ Гариба, что предло-

жилъ ему бросить кофейню и жить у него на хорошемъ жалованьи. Когда Ашикъ согласился на это, мудрый правитель, сознавая, что такіе пѣвцы создаются только отъ послѣдствія сильной, неудавшейся любви, спросилъ;

— Скажи мнѣ, не, влюбленъ-ли ты или не тоскуеть-ли сердце твое о комъ-нибудь?

Ашикъ Гарибъ и на этотъ вопросъ отвѣчалъ ему отлично сложенною пѣсней, что онъ одинокъ въ мірѣ и не имѣетъ никого близкаго сердцу.

Прошло два-три дня, въ теченіи которыхъ хитрый Шахвалетъ старался окольными путями узнать отъ Ресуля имя воспѣваемой имъ красавицы, но не достигнувъ цѣли, собрался самъ ѣхать въ Тифлисъ.

— Не имѣешь-ли ты кому послать поклона? обратился онъ къ пѣвцу—я завтра ѣду въ Тифлисъ.

— У меня тамъ мать съ сестрою—отвѣчала молодой человѣкъ—и я радъ-бы послать имъ извѣстіе о себѣ.

— Зачѣмъ-же дѣло стало. Напиши письмо, а я непременно доставлю имъ своеручно.

Ашикъ Гарибъ, не подозрѣвая никакого умысла со стороны племянника паши, побѣжалъ въ комнату свою, написалъ длинное письмо матери и невѣстѣ и, запечатавъ его семью печатами, передалъ Шахвалету.

Не довольствуясь этимъ, Шахвалетъ рѣшился похитить у Гариба его рубаху и въ томъ числѣ и сорочку Шахсима, которая попалась ему подъ руку и въ тотъ-же день выѣхалъ.

Много времени прошло, пока онъ достигъ Тифлиса. Ашикъ Гарибъ продолжалъ заботливо трудиться и собирать деньги, которыхъ не жалѣлъ давать ему паша. Въ предположеніи, что онъ можетъ собрать въ теченіи остающагося срока въ десять разъ больше, чѣмъ нужно золота, пѣвецъ началъ приобрѣтать самыя лучшія вещи въ подарокъ Шахсиму.

Тѣмъ временемъ Шахвалетъ, вскрывшій на дорогѣ письмо Ашикъ Гариба и, узнавъ имя красавицы со всеміи подробностями ихъ договора, до вѣзда въ Тифлисъ замаралъ рубаху пѣвца въ воловьей крови и задумалъ отправить ее къ матери Ресуля съ другою сорочкою, какъ доказательство смерти сына ея. Прибывъ въ столицу Кавказа, онъ на другой-же день явился къ старухѣ и, вручая ей одежды сына, заплакалъ. Злому человѣку не трудно было выдумать ужасныя небылицы, чтобы увѣрить несчастную мать, забывшую о томъ, что Гарибъ поручилъ ей слѣдить за струнами его балалайки.

Мать залилась слезами и съ этого ужаснаго дня глаза ея не высыхали отъ слезъ. Въ заключеніе бѣдная старуха ослѣпла.

— Дочь моя—однажды сказала мать—намъ необходимо извѣстить Шахсима о нашемъ общемъ несчастіи. Пусть и она освободится отъ обязательства ожидать того, который не возвратится болѣе.

Дѣвушка набросила на голову чадру и, захвативъ узнанную сорочку, вышла со двора. Вступивъ въ комнату невѣсты брата, она бросилась къ ней на шею и зарыдала.

— Моего брата растерзали тигры на дорогѣ—съ трудомъ проговорила она—и вотъ тебѣ твой даръ въ доказательство ужаснаго событія—и она подала молодой хозяйкѣ ея сорочку.

Шахсиме поблѣднѣла и тихо спросила, кто привезъ эту печальную вѣсть.

— Я не знаю этого человѣка по имени, но мнѣ показалось, что я его сейчасъ только видѣла съ твоимъ отцемъ на дворѣ.

— А, теперь я спокойна—отвѣчала Шахсиме. Если только эту вѣсть привезъ Шахвалетъ, то это выдумка, чтобы скорѣе убѣдить меня выйти за него замужъ. Повѣрь мнѣ, сестра моя, что нашъ Ресуль живъ и это я узнаю скоро. Не печалься милая.

— Мать моя считаетъ васъ теперь свободною отъ клятвы.

— Такъ полагаетъ твоя добрая мать, но ты передай ей, что пока не исполнится ровно семь лѣтъ, я не перестану думать объ Ашикѣ-Гарибѣ и ожидать его возвращенія.

Какъ только дѣвушки разстались, Шахсиме позвала свою преданную Гумышъ и сказала ей:

— Этотъ негодяй Шахвалетъ такъ сблизился съ отцомъ моимъ и такъ понравился старику, что онъ безпрестанно требуетъ моего согласія на выходъ за него замужъ. Этого мало: хитрый человѣкъ, Богъ вѣсть, какими путями похитилъ у друга моего мою и его сорочку и привезъ ихъ, какъ доказательства смерти бѣднаго Ашикѣ Гариба. Теперь мнѣ приходится поневолѣ принять какія-нибудь мѣры, чтобы облегчить страданія моей несчастной тещи, которая потеряла уже зрѣніе и навѣрно умретъ отъ горя, если мы не обнаружимъ подлости Шахвалета.

— Что-же ты намѣрена сдѣлать? спросила Гумышъ.

— Мнѣ необходимо найти такого человѣка, который согласился-бы поѣхать и узнать, живъ-ли мой дорогой Ашикѣ.

— Я знаю одного пожилаго человѣка, которому извѣстенъ весь міръ. Авось онъ согласится за деньги потрудиться для насъ.

— Бѣги къ нему и скажи, что я не пожалѣю ничего, если отыщеть моего друга.

Гумышъ исчезла, а часъ спустя возвратилась съ однимъ изъ руководителей каравановъ.

— О, достопочтенный караванъ—баши—сказала Шахсиме—мнѣ крайне необходимо отыскать моего жениха Ашикѣ Гариба, который неизвѣстно куда ушолъ съ обѣщаніемъ возвратиться чрезъ семь лѣтъ. Срокъ этотъ еще не истекъ, но къ отцу моему явился молодой человѣкъ съ сомнительными доказательствами, что женихъ мой умеръ и настолько обворожилъ старика, что онъ настаиваетъ на выходѣ моемъ замужъ за него.

Понялъ, красавица, но какимъ образомъ я могу узнать Ашикѣ Гариба?

— Прежде всего онъ отличается своимъ голосомъ и наружною

красотою, но если этого недостаточно, то вот тебѣ оставленный имъ мнѣ на память золотой кубокъ, который онъ узнаетъ, если ты будешь держать его въ рукахъ или еще лучше, если станешь на многолюдныхъ площадяхъ угощать всѣхъ жаждущихъ. Последнее будетъ болѣе цѣлесообразно, потому что всѣ станутъ рассказывать о золотой чашѣ и Ашикъ Гарибъ навѣрно поинтересуется узнать, что ты за исключительный иностранецъ.

— Совѣтъ твой, Шахсима, очень разуменъ и я испробую его, если только не достигну цѣли естественнымъ путемъ. Когда ты желаешь, чтобы я пустился въ дорогу?

— Чѣмъ раньше, тѣмъ лучше. Сказавъ что, дѣвушка подала караванъ—башю полный кисеть червонцевъ. Ты получишь отъ меня еще столько—же, когда привезешь добрую вѣсть.

Караванъ—баша поблагодарилъ щедрую красавицу и въ тотъ же день направился въ большіе торговые города. Три мѣсяца онъ переѣзжалъ безъ устали изъ государства въ государство, изъ столицы въ столицу, но увы нигдѣ не могъ ничего узнать объ Ашикѣ Гарибѣ. Наконецъ онъ направился въ многолюдный городъ Алеппо. Послѣ долгой ѣзды несчастный странникъ заболѣлъ и вынужденъ былъ пролежать нѣсколько дней, пока возвратились его силы. Вставши съ постели, онъ кое-какъ добрался до большой алеппской площади и, видя борьбу мальчиговъ, остановился. Внимание его сосредоточилось на крошечномъ мальчуганѣ, который пересилилъ всѣхъ товарищей своихъ.

— Ай да молодець, не смотря, что малъ ростомъ—сказалъ Караванъ—баша.

— Чтожь, что малъ? вскрикнулъ мальчикъ—и Ашикъ Гарибъ не выше другихъ, однако въ цѣломъ Алеппо не найдется лучшаго пѣвца.

— А развѣ ты знаешь Ашикѣ Гариба?

— Кто-же не знаетъ его у насъ? Спроси и у грудныхъ дѣтей и они укажутъ тебѣ его издали.

— Гдѣ-же онъ живетъ?

— Неужели ты не знаешь, что онъ живетъ въ дворцѣ съ пашою нашимъ?

Конечно, этого было достаточно Караванъ—башю, чтобы отыскать молодаго человѣка и, подавая ему его бокаль, передать причины, побудившія прекрасную Шахсима отыскать его.

Ашикъ Гарибъ, тронутый до глубины души такою вѣрностію и горячимъ участіемъ невѣсты, запѣлъ такимъ болѣзненнымъ голосомъ, что папа невольно вскочилъ еъ мѣста и прибѣжалъ узнать, что совершилось съ его любимцемъ. Увидѣвъ чужестранца около плачущаго Гариба, мудрый правитель спросилъ его: кто онъ и зачѣмъ явился въ Алеппо?

— Я прибылъ, эфенди, изъ Тифлиса. Вотъ ужъ четыре мѣсяца, какъ меня послали отыскать этого бѣдняка, чтобы утѣшить ослѣпшую отъ слезъ мать и отчаявшуюся невѣсту, которымъ сказали злые люди, что Ашикъ Гарибъ растерзанъ звѣрями.

— Какъ развѣ у него есть мать и невѣста? вскрикнулъ паша, обращаясь къ пѣвцу. Отчего-же ты несчастный скрылъ это отъ меня? Не я ль допрашивалъ тебя съ тѣмъ, чтобы озаботиться о нихъ?

— Я боялся злоупотреблять твоими милостями—отвѣчалъ Ресуль.

— Чѣмъ-же ты кончилъ? Твоя мать ослѣпла, а невѣста быть можетъ выдана за другаго замужъ?

— Моя невѣста не измѣнитъ клятвѣ своей въ теченіи семи лѣтъ.

— А сколько прошло времени съ тѣхъ поръ, какъ вы разстались? Ашикъ Гарибъ началъ считать и вдругъ поблѣднѣлъ. По счету его оказалось, что семь лѣтъ окончатся чрезъ 20-ть дней.

— Какой-же ты безпечный человѣкъ! вскрикнулъ паша. Развѣ возможно въ такой ничтожный срокъ доѣхать до Тифлиса? Несчастный, ты погибнешь, если только не выѣдешь и не будешь каждый день перемѣнять лошадей.

— Я готовъ выѣхать, если на это послѣдуетъ твое милостивое согласіе.

— Эй, люди! крикнулъ паша—приготовьте немедленно лучшую изъ моихъ лошадей и проводите любимца моего до перваго города по направленію къ Кавказу. Сказавъ это, паша вышелъ, чтобы сложить въ саквы Гариба слѣдующее ему золото.

Часъ спусти Ашикъ Гарибъ былъ уже далеко отъ Алеппо. Сильный конь его, не смотря на большую тяжесть червонцевъ и другихъ приготовленныхъ пѣвцомъ подарковъ для невѣсты, шель очень скоро.

Десять дней ѣхалъ Ресуль безъ отдыха, но увы не проѣхалъ и третьей доли пространства, отдѣлявшаго Алеппо отъ Тифлиса. Наконецъ онъ очутился у большой рѣки, чрезъ которую нельзя было переѣхать. Пришлось выжидать случая, но какъ на зло на рѣкѣ не показывалось ни судна, ни лодки. Прошло еще пять дней.

— Ну, теперь все пропало! сказалъ съ отчаяніемъ Гарибъ. Я теперь и на крыльяхъ птицы не успѣю долетѣть къ Шахсиму въ урочный часъ. У молодаго человѣка полились слезы.

Какъ вдругъ предъ нимъ очутился прекрасный юноша на бѣломъ конѣ съ длиннымъ кошемъ и спросилъ, о чемъ онъ тоскуетъ.

— Мнѣ надо быть сегодня въ Арзерумъ—сказалъ онъ—а я застрялъ здѣсь и не могу переправиться чрезъ рѣчку.

— Ну, это не большая бѣда: положи ко мнѣ на лошадь твои пожитки, садись на нихъ и закрой глаза. Я въ одинъ мигъ доставлю тебя въ Арзерумъ.

Ашикъ Гарибъ безъ разсужденія воспользовался предложеніемъ добраго юноши и, дѣйствительно, чрезъ минуту очутился у воротъ Арзерума.

„Отчего я не сказала ему, что мнѣ необходимо быть въ Карсѣ? подумала Гарибъ—все было бы ближе къ Тифлису—и пѣвецъ

снова началъ сокрушаться въ убѣжденіи, что не доѣдетъ въ срокъ.

Верховой вновь очутился около него.

— Ты опять о чемъ-то тоскуешь? спросилъ онъ заботливо.

— Извини меня, добрый человѣкъ: у меня не достало смѣлости сказать, что я долженъ былъ быть сегодня въ Карсѣ.

— Напрасно ты скрылъ это отъ меня. Впрочемъ, пока я здѣсь, это не трудно исправить. Садись опять и закрой глаза.

Черезъ минуту Ашикъ очутился передъ Карсомъ, но лишь только скрылся чудный всадникъ, онъ опять началъ плакать въ сознаніи, что не доѣдетъ до Тифлиса за четыре дня. Скорбь его еще болѣе увеличилась, когда онъ не могъ найти хорошаго коня.

— Ты опять плачешь? вдругъ раздался позади его голосъ всадника съ копьемъ.

— О, прекрасный юноша—отвѣчалъ пѣвецъ—я и въ послѣдній разъ обманулъ тебя изъ нежеланія затруднить тебя и твоего коня. Мнѣ необходимо быть въ Тифлисѣ.

— Ну, нечего дѣлать я и на этотъ разъ извиняю тебя. Садись снова и закрой глаза.

Ашикъ Гарибъ воспользоваться такимъ нечаяннымъ счастіемъ и, дѣйствительно, очутился у воротъ столицы Кавказа. Онъ хотѣлъ броситься къ ногамъ таинственнаго всадника, но послѣдній остановилъ его и сказалъ:

— Не смотря на то, что ты два раза обманулъ меня, я не желаю тебѣ зла. Знаешь ли ты, что мать твоя ослѣпла?

— Мнѣ говорили объ этомъ—отвѣчалъ съ удивленіемъ Ресуль.

— Тѣмъ лучше; такъ вотъ, что я тебѣ посоветую сдѣлать, чтобы возвратить ей зрѣніе. Возьми изъ подъ копыта лошади моей немного глины, размѣшай ее съ слюною и положи эту смѣсь на ея глаза. Сказавъ это, всадникъ исчезъ.

Тогда только пѣвецъ припомнилъ, что этотъ юноша имѣлъ большое сходство съ святымъ Хыдырѣильязомъ.

Тѣмъ временемъ вѣзжала въ Тифлисѣ пустая подвода, на которую Гарибъ сложилъ свои сокровища и доѣхалъ до кофейни, находящейся около квартиры матери. Сложивъ свое достояніе въ отдѣльной комнатѣ, молодой человѣкъ вышелъ на улицу и сѣлъ у фонтана. Нѣсколько минутъ спустя къ фонтану этому пришла съ сосудомъ его сестра, одѣтая въ черное платье. Гарибъ не вытерпѣлъ и сказалъ:

— Что это значить, что всѣ городскія женщины сегодня въ праздничныхъ нарядахъ, а ты одна въ черномъ?

— Это потому, что у нихъ нѣтъ горя на душѣ, а я имѣла только одного брата, но и его разстерзали звѣри. Потерявъ его, я вдобавокъ теряю и невѣсту его, которую любила всѣмъ сердцемъ.

— Видно и она подвергнулася какому-нибудь несчастію? спросилъ Ашикъ Гарибъ.

— Я не знаю, какъ тебѣ сказать, но ты долженъ самъ понять. Эта дѣвушка до безумія любитъ брата моего и не хочетъ вѣрить,

что онъ умеръ, а отецъ ея между тѣмъ настаиваетъ, чтобы она вышла замужъ за другаго. Бѣдная Шахсима рветъ на себѣ волосы и со страхомъ ожидаетъ завтрашняго дня, съ котораго должна начаться ея свадьба. Завтра исполнится ровно 7 лѣтъ, какъ братъ мой ушелъ изъ Тифлиса, обѣщая ей непремѣнно возвратиться къ исходу этого срока.

— Твой братъ не умеръ и напрасно Шахсима приходитъ въ отчаяніе — отвѣчалъ Гарибъ, стараясь измѣнить свой голосъ — я недавно видѣлъ его въ Карсѣ и онъ самъ мнѣ говорилъ, что спѣшитъ къ матери и невѣстѣ въ Тифлисъ и если онъ не пріѣхалъ еще, то, вѣроятно, пріѣдетъ на дняхъ.

— О, какое бы ты принесъ утѣшеніе несчастной матери моей — сказала дѣвушка, еслибъ лично потрудился сказать ей эти сладкія слова.

— Я охотно послѣдую за тобою — отвѣчалъ Ресуль и послѣдовалъ за сестрою.

Цѣлый часъ онъ убѣждалъ старуху, что сынъ ея живъ и навѣрно пріѣдетъ къ завтрашнему вечеру т. е. къ той минутѣ, когда наступитъ срокъ, установленный между нимъ и невѣстой; но старуха осталась при своемъ.

— Я даже нарочно зайду къ вамъ завтра — прибавилъ Ресуль — чтобы порадоваться съ вами.

— Подобныя утѣшительныя слова я слышала, сынъ мой, не отъ одного только тебя — сказала старуха со вздохомъ. Впрочемъ приходи, если не обманываешь слѣпую старуху.

На слѣдующій день предъ вечеромъ Ресуль вошелъ къ матери своей съ сакомъ, наполненнымъ червонцами.

— Вотъ видишь, сынъ мой — сказала старуха — Ресуля моего нѣтъ, а ты утѣшалъ меня.

— Твой Ресуль я — сказала Ашакъ Гарибъ и бросился къ ней на шею.

— Не правда, не правда — завопила старуха — ты вѣрно обманщикъ, сговорившійся съ моею дочерью, чтобы провести слѣпую мать.

Гарибъ придвинулъ къ ней червонцы и началъ приводить разныя доказательства изъ прошлой жизни, но и это не помогло. Тогда онъ поднялъ глаза къ мѣсту, гдѣ повѣсилъ свой настроенный сазъ, и хотѣлъ было прикоснуться къ его струнамъ, но старуха воспретила ему прикасаться къ инструменту дорогаго сына.

Пока происходила такого рода борьба между матерью и сыномъ, слышались звуки музыки и въ комнату вошла дочь хозяйки съ заявленіемъ, что началась сватъба Шахсима съ Шахвалетомъ.

— Слышишь — сказала слѣпая — а ты увѣряешь, что я твоя мать. Если бы возвратился мой Ресуль, развѣ онъ допустилъ бы свою возлюбленную выходить замужъ за ненавистнаго человѣка? •

При этихъ словахъ молодая дѣвушка впервые подняла глаза на гостя и, вскрикнувъ отъ радости, бросилась къ нему на шею.

— Мама, твой сынъ сидитъ около тебя! вырвалось у ней съ языка.

Но старуха разразилась проклятіями.

Тогда Ашикъ Гарибъ вынулъ изъ кармана комокъ глины и, распустивъ его слюною, приложилъ къ потухшимъ глазамъ старухи, которая въ ту же минуту прозрѣла и, конечно, узнала своего милаго сына.

Послѣ обыкновенныхъ восторговъ Гарибъ обратился къ сестрѣ и сказалъ:

— Теперь поспѣшимъ къ Шахсиму, чтобы обрадовать и ее, но ты не говори ей ни слова до того времени, пока она не узнаетъ моего голоса или пѣсни, которую я постараюсь пропѣть громко.

Дѣвушка безотлагательно передѣлась въ цвѣтной нарядъ, а Ашикъ Гарибъ, захвативъ свой сазъ, вмѣстѣ отправились на свадебный пиръ.

— Не примите ли вы пѣвца для удовольствія гостей? сказала Ресуль распорядителю сватъбы.

— Милости просимъ—отвѣчали ему—для такихъ людей всегда отворяются двери тамъ, гдѣ пируютъ.

Гарибъ вошелъ и занялъ мѣсто у дверей комнаты около музыкантовъ. Осмотрѣвшись кругомъ, онъ замѣтилъ въ отдаленныхъ углахъ двѣ парчевыя занавѣси и догадался, что за ними находятся женихъ и невѣста.

— Чего же ты стоишь, какъ нищій—обратился къ Гарибу распорядитель—я впустилъ тебя въ предположеніи, что ты будешь забавлять гостей.

— Я не прочь исполнить мою обязанность, если только господа дадутъ мнѣ позволеніе.

— Господа! вскрикнулъ распорядитель—желаете ли вы послушать импровизаціи бродячаго шапра?

— Желаемъ, желаемъ! раздалось со всѣхъ сторонъ.

Ашикъ Гарибъ настроилъ сазъ и запѣлъ своимъ чуднымъ голосомъ:

„Въ пучинѣ горести и страданій
Взываю къ тебѣ, красавица моя.
О, поспѣши принести спасеніе,
Котораго я жду отъ тебя!
Съ той поры, какъ мы разстались
Съ клятвою любить другъ друга,
Я много перенесъ горя и труда
О, пожалѣй, красавица, меня!
Много бурь я перенесъ,
Чтобы достигнуть къли,
Но надежда гаснетъ послѣдняя
О, красавица, пожалѣй меня!
Твой другъ безутѣшенъ:
И на пристани ему бѣда,
И здѣсь онъ въ слезахъ,
Передъ тобою, милая луна!
О роза прелестная моя,
Пахни на меня ароматомъ
Твоихъ вѣжныхъ устъ
И оживи страдальца безутѣшнаго!

Въ это время за занавѣсами невѣсты послышался легкій крикъ. Публика закричала: машь Алла! и требовала, чтобы онъ продолжалъ пѣть. Ашикъ снова запѣлъ:

Три дня тому назадъ
Я горькія слезы лиль въ Арзерумъ.
Вчера рвалъ волосы въ Карсѣ,
А сегодня пою предъ могилою своею...

Какъ только услышалъ послѣднія слова Шахвалетъ, онъ понялъ, что шаиромъ былъ никто другой, какъ опасный соперникъ его Ашикъ Гарибъ и приказалъ немедленно выгнать его изъ комнаты.

— Врешь, негодяй — отвѣтилъ ему Гарибъ — не меня надо выгнать отсюда, а тебя плута, который обманулъ всѣхъ, укравши у меня завѣтный даръ и омочивъ мою рубаху въ кровь животнаго. Врешь, злодѣй, моя невѣста не будетъ твоею женою, потому что я прибылъ въ срокъ и потому что она недобровольно согласилась на свадьбу свою.

Услышавъ эти позорныя слова и видя наступающаго Ашикъ Гариба, Шахвалетъ струсилъ и убожалъ къ тестю въ предположеніи, что онъ выпроводитъ непрощеннаго гостя, но старикъ не рѣшился сдѣлать этого, потому что единственная дочь его повисла на шеѣ друга и поклялась, что никто не вырветъ изъ объятій ея дорогаго и суженнаго ей св. Хыдыръильязомъ челоуѣка.

Отецъ понялъ, что дальнѣйшее насиліе не приведетъ ни къ чему и началъ жалѣть о Шахвалетѣ.

— Въ такомъ случаѣ пусть онъ женится на сестрѣ Ашикъ Гариба — сказала Шахсима и мы одновременно всѣ будемъ счастливы.

Шахвалетъ, взглянувъ на предложенную ему въ невѣсты дѣвушку, нашель, что и она очень хороша.

Такимъ образомъ свадебный пиръ не прекратился, но вмѣсто одного бракосочетанія совершилось одновременно два.

Мы не станемъ приводить здѣсь тѣ безконечныя рѣмованныя импровизаціи, которыя лились изъ устъ влюбленныхъ, достигнувшихъ въ концѣ концовъ желаннаго соединенія, но не считаемъ себя вправѣ скрыть тѣ подарки, которые Ашикъ Гарибъ подавалъ женѣ своей, припѣвая:

Стань, нѣжная подруга, предъ тѣмъ,
Кто будетъ жертвою за тебя
И принимай его дары дорогіе,
Чтобы дополнить красу свою.
Вотъ чадра въ тысячу грушь *)
И кофта такой цѣнности.
За кафтанъ высокаго достоинства
Заплачено пять тысячъ,
За кушакъ съ алмазами
Я заплатилъ 10 тысячъ,
Фесъ стоитъ 3 тысячи
Онъ весь въ жемчугахъ.
Накидка сшита за 500,

*) Серебряная монета.

А эта за 4 тысячи,
Кольцо стоит 5 тысячъ,
А браслетъ три тысячи,
За ладонку съ талисманомъ
Я далъ 500 грушь.
За башмаки 300 монеть,
А за ожерелье 40 кошельковъ.
Не забылъ я и мыла душистаго
И кны аленской настоящей.
Все это настолькоъ нужно для тебя,
Какъ твоя любовь для меня.
Да благословить же насъ Хыдыръильязъ
Дожить до правнуковъ своихъ!

Х а т е м ь - т а й .

Въ одномъ изъ богатныхъ государствъ, царствовалъ прекрасный падишахъ Хатемъ-тай, о милосердіи и щедрости котораго разсказывались безконечныя исторіи. Насколько все это было справедливо, не извѣстно. Дѣствительно же было то, что Хатемъ-тай нѣкоторымъ изъ обращающихся къ нему выдавалъ своею ручною записку главному казначею за печатью о выдачѣ тысячи червонцевъ. Меньше не отпускалось никому.

Тѣмъ временемъ въ столицѣ его проживалъ сынъ богатѣйшаго куша по имени Джюнеде, который, промотавъ все отцовское состояніе, какъ-то случайно увидѣлъ у одного счастливаца царскую записку за печатью на тысячу червонцевъ, рѣшился изучить почеркъ повелителя своего и поддѣлать его печать. Потрудившись надъ этимъ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ достигъ до такого искусства, что никто не могъ бы отличить его письма отъ царскаго. Успѣвъ въ этомъ, Джюнеде рѣшился написать по извѣстной ему формѣ приказъ начальнику казначейства отъ имени падишаха о выдачѣ предъявителю тысячи червонцевъ. По ассигновкѣ этой деньги немедленно были выданы.

„Теперь мы будемъ имѣть каждый день по 1000 золотыхъ—сказалъ про себя молодой человекъ и закутилъ на славу.

Съ этого времени, онъ, дѣствительно, получалъ эту сумму ежедневно. Казначей сначала изумлялся такой щедрости повелителя, но впоследствии такъ привыкъ къ этому, что не обращалъ вниманія. Въ концѣ года онъ представилъ царю всѣ его записки. Пересчитавъ ихъ, Хатемъ-тай выпучилъ глаза.—Неужели я выдаю такое множество ассигновокъ? сказалъ онъ и досталъ свою книгу. Начали считать и оказалось, что всѣ записки Джюнеде были составлены помимо воли государя.

— Ты знаешь этого получателя? спросилъ султанъ.

— Я лично прослѣдилъ за нимъ и знаю, гдѣ онъ живетъ и чѣмъ занимается.

— Прикажи привести его сейчасъ ко мнѣ.

Молодой человекъ немедленно представленъ былъ къ падишаху.

— Послушай—сказалъ государь—правда ли, что ты составлялъ